

**Александр Логачев
Эдуард Байков
Всеволод Глуховцев**

Проект «Сколково. Хронотуризм». Книга 1
Серия «Сколково. Хронотуризм», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2512645
Проект «Сколково. Хронотуризм». Книга первая: ИК «Крылов»; СПб.; 2011
ISBN 978-5-4226-0029-8

Аннотация

Ученые наукограда Сколково совершили революционное открытие. ПРОРЫВ, равного которому не было от сотворения мира! Отныне история – открытая книга. Людям стало подвластно само время. Открытие не стали прятать за заборами секретных лабораторий. Гостеприимно распахнула двери государственная компания «Сколково. Хронотуризм». Покупайте путевку в прошлое и в путь!

Первопроходцы, испытатели. Кому-то всегда приходится первым протоптывать тропу. На сей раз – тропу в прошлое. Это вторым, третьим и так далее будет легче, а первых забрасывают с недоработанной методикой, в полную непредсказуемость. Это не просто риск, это игра с судьбой в орлянку. А обыграть судьбу совсем непросто...

Более двадцати лет назад ушел из дома и бесследно исчез младший брат Игоря Коротина. По одной из версий, он стал жертвой неустановленного серийного убийцы. Игорь Коротин всю жизнь посвятил поискам истины. Безуспешно. Но сейчас у него появилась надежда – «Сколково. Хронотуризм». Он может вернуться в прошлое и узнать правду. А потом, вернувшись в день сегодняшний, наказать убийцу, если тот еще жив.

Содержание

ИСТОРИЯ 1.0	4
ИСТОРИЯ 2.0	12
1	12
2	16
3	21
4	24
5	29
6	33
7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Логачев, Эдуард Байков, Всеволод Глуховцев Проект «Сколково. Хронотуризм». Книга первая

ИСТОРИЯ 1.0

Президент смеялся. Президенту было весело. Утро задалось...

...Каждое утро с восьми до девяти утра глава государства российского проводил в Интернете. Прямым из душа, в домашнем халате и тапочках, он направлялся в кабинет, где на столе поджидал поднос со сладким кофе и сдобными булочками.

Это было самое любимое его время. Кофе, сдоба, интернет – только один час в день Президент принадлежал самому себе, а не всей стране или семье. И никому нельзя было в это время его отвлекать. Ну разве что начнется Третья мировая.

Сегодня – да и который день подряд – Президент начинал виртуальные странствия с того, что забивал в Гугле «Сколково. Хронотуризм». После бродил по ссылкам, какие выдавал поисковик. Больше всего сейчас Президента занимало все связанное со Сколково и хронотуризмом.

Сегодня первым номером в реестре ссылок на слова «Сколково. Хронотуризм» поисковка вдруг предложила блог профессионального оппозиционера и бывшего чемпиона мира по шашкам господина Запарова.

– Ну понятно, куда же без него! – хмыкнул Президент, но по ссылке кликнул. Надо же знать, чем так заинтересовал народ, его народ, этот горлопан.

Президент зашел на блог Запарова, заранее морщась. Однако начал читать и не пожалел, что зашел. Чтение его развеселило.

Заметка, которую вывесил у себя на блоге отставной шашкист Запаров, называлась «Время назад!» Она начиналась так:

«Все технологии давным-давно придуманы. В том числе и технологии обмана.

Все очень просто. Достаточно вспомнить классику – роман Марка Твена „Приключения Гекльберри Финна“. Там два мошенника странствовали на плоту по Миссисипи и в каждом городке зазывали народ на представление. Афиша обещала захватывающую трагедию „Королевский жираф, или Царственное совершенство“. Вместо обещанного совершенства на сцену выскакивал голый, в перьях, мужик, несколько минут кривлялся и... на этом представление заканчивалось. Однако – внимание! – одураченные зрители не бросались бить или хотя бы забрасывать помидорами обманщиков. Они, побурчав, расходились по домам. Во-первых, никто из них не желал становиться посмешищем для всего города, во-вторых, им хотелось, чтобы не только их, а и всех остальных одурачили точно так же, в-третьих, – да, каждому из них было жаль выброшенного доллара, так вот пусть теперь и другие останутся без этого доллара, мол, чем они лучше нас!

Спектакль „Королевский жираф“ обходился его зрителям всего в доллар. А теперь представьте, что вас одурачили на несколько тысяч этих самых долларов или даже на миллион. Я вас уверяю, признаваться в одурачивании вам захочется ровно в несколько тысяч раз меньше, чем простакам с Миссисипи. Вот потому-то они, эти сколковские выдумщики, и не боятся, что их мошенничество в ближайшее время вскроется.

Господа, государство нас опять пытается одурачить! Так было со всеми выборами последних лет, а еще раньше с обменом сторублевых купюр и ваучеризацией всей страны. Правда, теперь народ стал поумнее, на откровенной мякине его уже не проведешь, приходится изобретать что-то похитрее.

И тут как наконец-то пригодилось Сколково. Собственно надо же его было хоть к чему-то приспособить. Столько денег вбухано в эту грандиознейшую потемкинскую деревню и, получается, все зря?! А содержать дальше эту игрушку, доложу я вам, удовольствие накладное. Гениев науки Сколково так и не породило, зато породило гениев распила и пускания пыли в глаза. Вот они-то и придумали пустить в глаза бриллиантовую пыль.

Любому мало-мальски мыслящему человеку очевидно, что мы имеем дело с элементарным обманом. Ученые давно доказали невозможность путешествий во времени. Однако проект „Хронотуризм“ рассчитан на людей малообразованных, зато обладающих тугими кошельками. Увы, придется привести изречение недоброй памяти доктора Геббельса: „Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верят“. Сия истина в очередной раз нашла свое подтверждение. Тем более, когда ложь исходит от властей. Приходится в очередной раз констатировать: неистребимо в нашем народе языческое обожествление власти. Как и раньше, наш человек поверит всему, что скажет по „Первому каналу“ одна из двух руководящих страной голов.

Давайте зададимся вопросом: так что же такое на самом деле „Сколково. Хронотуризм“? Все очень просто. При современном развитии 40-технологий можно без труда создать иллюзию любого мира. Сходите в кино и посмотрите – сейчас на экране можно воплотить любые режиссерские фантазии, добиться эффекта присутствия, даже уже проводятся эксперименты с запахами. И это в кино! А теперь представьте, что к вашим услугам все новейшие видео– и аудиоразработки. Неужели тяжело смастерить павильон со стенами из экранов, на которых можно показывать все, что угодно? Остается совсем немного: возвести примитивные декорации, подогнать массовку с „Мосфильма“ и обрядить ее в халаты, доспехи, набедренные повязки или иные „исторические“ одежды. Безработных артистов пруд пруди, а на „Мосфильме“ найдутся тряпки для любых эпох. А если кто-то из туристов что-то заподозрит, то всегда можно огреть его „древней“ дубиной по голове – мол, ничего не поделаешь, мы же вас предупреждали обо всех рисках, вы даже расписочку в том давали...»

Вот тут-то Президент и рассмеялся. Заливисто и громко.

– Ну молодец Запаров, ну рассмешил! Мне такое и в голову не приходило!

А самое смешное заключалось в том, что отставной шашист писал это все всерьез. По-другому он и не умел. Да-а... Видимо, одно дело умело выстраивать многоходовые комбинации на клетчатой доске и совсем другое – обдумывать ситуации жизни обыкновенной, где фигурируют не только черно-белые фишки и ходят они не только взад-вперед и вправо-влево.

Ведь организуй подобный балаган на самом деле, что бы тогда было? Ладно, допустим, одураченные толстосумы станут держать рот на замке. Хотя не факт, но все же. Но так же свято тайну должны хранить участники массовки, поставщики и наладчики аппаратуры, весь обслуживающий персонал... словом, масса народа. Чтобы не допустить утечки, эту массу придется держать в каком-нибудь сколковском концлагере. К тому же любой обман рано или поздно откроется. Так неужели правитель страны, официально объявивший себя куратором госпроекта «Сколково. Хронотуризм», пойдет на то, чтобы выставить себя полнейшим клоуном? Перед всем цивилизованным миром причем!

Президент покачал головой и продолжил читать Запаровскую заметку: «Давайте спросим себя: для чего же властям понадобились эти наперстки в государственном масштабе, это нью-МММ с горьким привкусом нанотехнологий, эта самая грандиозная афера в мировой истории? Ответ очень простой – нефть. С тех пор, как рухнули цены на нефть, в казне обра-

зовалась гигантская брешь, стабилизационный фонд на глазах иссякает, а налоги повышать уже некуда, они и так задраны выше Останкинской башни. А главное – впервые за многие годы для правительства всерьез замаячила угроза массовых волнений, повторение сценария цветных революций или ливийско-сирийского сценария.

И вот тогда кто-то умный (объективности ради приходится признать, что там, наверху, сидят не одни дураки) предложил задействовать Сколково. Во-первых, какой-никакой доход. А во-вторых и в-наиважнейших, Сколково призвано стать атомной пропагандистской бомбой, способной надолго отвлечь и успокоить людей.

Уже сейчас повсюду раздаются ура-патриотические крики: „Россия, вперед! Мы снова впереди планеты всей! Был Гагарин, теперь Хронотуризм! Опять мы, россияне, открываем новые миры и пространства! Мы обогнали и перегнали... Россия поднимается с колен... Завтра мы наверняка ух как заживем! Так заживем, что весь мир обзавидуется! Ради этого стоит еще потерпеть, но мы правильным путем идем, товарищи! Слава партии и правительству, ведущему нас в светлое завтра!“ И эта патриотическая истерия, уверяю вас, будет только нарастать.

Увы, вместо того, чтобы решать накопившиеся проблемы, нам опять пытаются подсушить радужный мыльный пузырь. И в очередной раз хочется спросить: доколе? Люди, обращаюсь я к вам, сколько можно позволять себя обманывать!

Только запомните мои слова, в первую очередь вы запомните, сколковские гореначальники: широко шагаешь – штаны порвешь. Очень скоро сколковские штаны разойдутся с треском и мы все увидим голую сколковскую... Впрочем, об этом мы поговорим в следующем раз».

Президент наполнил из кофейника опустевшую чашку. Откинулся в кресле, задумчиво потягивая кофе.

Как ни странно, а кое в чем шашечный клоун прав. Да, нефть в этой истории сыграла не последнюю роль. Нефтяной кризис здорово ударил по бюджету. Проведенное масштабное секвестирование мало что дало. Эпоха профицитного бюджета ушла в прошлое, и наступили скудные годы дефицита. Это и заставило зарабатывать на открытии, а не пользоваться им втихаря. А втихаря было бы, конечно, гораздо лучше...

Какие открывались перспективы для одной только разведки! Правда, и сейчас разведке никто не мешает действовать в прошлом, однако когда противник знает, что от тебя ожидать, – это одно, а когда противник ни о чем даже не догадывается – это совсем другая песня.

То судьбоносное решение они принимали втроем: Президент, Премьер и академик Гладышев. На немедленном коммерческом использовании открытия настаивал академик Гладышев. Мол, дальнейшие исследования требуют резкого увеличения финансирования, да что уж там говорить, колоссальных затрат они требуют, а в стране кризис и даже обычное финансирование поддерживать все труднее, а тут выпадает такой шанс – и себя обеспечить, и заработать для госбюджета весьма немалые деньги. Немалые – это сотни миллионов долларов только за первый год. Дальше доход будет только увеличиваться. У Гладышева и готовый бизнес-план был тогда с собой. Дельный бизнес-план. Впрочем, много от Эдуарда Артуровича ожидать и не приходилось...

Эдуард Артурович Гладышев покинул страну в девяносто шестом. Получил предложение от Калифорнийского университета, забрал семью и уехал. Раздумывал он недолго. Прямо скажем, и вовсе не раздумывал: здесь все время и силы у ученого уходили на поиски приработка к нищенской зарплате заведующего кафедрой ЛТИ. Где уж тут заниматься чистой наукой, какие уж тут к чертям теории и гипотезы, найти бы еще учеников для репетиторства, чтобы свести концы с концами. К тому же у Гладышева, как и почти всех российских ученых, сложилось стойкое ощущение, что физики стране не нужны и это надолго.

Американцам Гладышева присоветовали его бывшие коллеги, уехавшие за океан чуть раньше и неплохо там устроившиеся (что характерно, не таксистами и грузчиками, а строго по профессии): мол, есть такой талантливый физик, человек энциклопедических познаний, к тому же свободно владеющий английским. Да, известен в научном мире сумасбродными гипотезами, однако в классической физике специалист каких мало и как преподаватель – отличная находка для любого ВУЗа.

Три года Гладышев отпреподавал в Беркли, в старейшем и самом авторитетном кампусе Калифорнийского университета. Оплачивался его профессорский труд весьма достойно, хотя Гладышева количество нулей в зарплатной ведомости несколько не волновало: на жизнь хватает, семья обеспечена и ладно. Для него гораздо более важным было то, что, зарабатывая на жизнь и не при этом несколько не перетруждаясь, он мог спокойно заниматься своей теорией биополярности времени. И работа продвигалась семимильными шагами. Обретя материальный и душевный покой, Эдуард Артурович понесся мыслью вперед, что твой локомотив.

Первый конфликт с руководством университета вышел из-за курения на территории учебного заведения в неположенных местах. Ладно, тогда Гладышев со всеми претензиями в свой адрес согласился, повинился и более не нарушал.

Второй конфликт вышел из-за детей, коих у Эдуарда Артуровича насчитывалось аж трое. Семья Гладышевых проживала в университетском городке, в отдельном доме, соседствуя с семьями других преподавателей. Супруга Гладышева, как и положено жене американского профессора, сидела дома, возилась с детьми. И вот однажды университетскому руководству поступил донос от соседей по этому академгородку: мол, миссис Гладышефф применяет насилие к детям. Строго говоря, доносчик был прав: женщина часто покрикивала на детей, могла оттащить за ухо и отвесить подзатыльник. Сии действия по тамошним законам считаются самым что ни на есть злостным насилием над детской личностью.

Гладышев был вызван на ковер к руководству, где ему в резкой форме преподнесли: если хоть раз что-то подобное повторится – курение или насилие в семье – мы с вами немедленно расстанемся. «К преподаванию вопросы и претензии есть?» – спросил Гладышев. Сказали, нет. «К содержанию моих работ, которые публикуют в разных научных журналах в разных странах, вопросы и претензии есть?»

Сказали: «О, конечно, нет, мистер Гладышефф, мы рады, что такой авторитетный в научных кругах человек трудится в нашем учебном заведении». «А если я выпорю ремнем своего сына за то, что он в свои двенадцать поведется курить или попробует марихуану, вы меня выгоните?» Да, говорят, придется расстаться. «Я понял», – сказал Гладышев, повернулся и вышел из кабинета. И в этот же день подал заявление на увольнение.

Правда, на тот момент ему уже было куда отступать. Профессора Гладышева давно уже звали в Астану в тамошний университет. Денег, правда, против американских обещали в разы меньше, но вполне достаточно, а, как уже было сказано, за астрономическими суммами Гладышев и не гнался, гнался он за возможностью спокойно работать. К тому же жизнь в Казахстане дешевле американской, да и народ кругом свой, что немаловажно.

Из Казахстана он и перебрался в Сколково. Сманили его опять-таки не цифрами в трудовом контракте, а условиями работы – на тот момент теория биополярности времени была разработана и требовалось проверить ее на практике. А это подразумевало такое финансирование, какое не потянуть никакому Казахстану, и, разумеется, собственную лабораторию с немалым штатом сотрудников. Все это пообещали ему в Сколково. И – предоставили.

Президент узнал об открытии хроноперемещения уже после того, как прошли первые опыты на животных (мыши и собаки с закрепленными на них датчиками и видеорекадерами исчезали из настоящего, а потом появлялись вновь, в живом или мертвом виде, принося кадры из несомненно прошедших веков), после того, как доброволец-лаборант вопреки

всем инструкциям и предписаниям «смотался» в прошлое – на год назад и вернулся оттуда невредимым и (сей факт известен только в сугубо узких кругах) вдрызг пьяным.

Кстати, история с этим лаборантом любопытна подробностями: как выяснилось, новую технологию намеревался испробовать на себе сам Гладышев по примеру иммунологов прошлого, прививавших себе желтую лихорадку и оспу. Однако молодые сотрудники лаборатории составили нечто вроде заговора. Они решили, что их любимый шеф не может подвергать себя риску (слишком велика будет потеря для мировой науки!), но и вместо себя Гладышев, ясное дело, никого из них не отправит. Выход один: опередить Гладышева и сделать это тайно. Тянули жребий. Счастливчик, вытянувший заветную бумажку с крестом, был отправлен в прошлое глубокой ночью. В прошлом его тоже ждала ночь – в одной из подмосковных деревень. Отправляли его, правда, в то же Сколково, но очутился он за сорок километров от него. Где-то там он сумел напиться. Поскольку при себе были деньги, это, думается, не представляло великого труда. А буквально перед возвращением «домой» поджег заброшенный колхозный коровник. На следующее утро сотрудники лаборатории вместе с тем самым лаборантом сгоняли в деревню, чтобы убедиться: коровник на месте, никаких следов пожара.

История вряд ли сохранит имя героического лаборанта, ибо выезд был абсолютно нелегальный, никоим образом не задокументированный, а потому и первый хрононавт останется для истории безымянным. Вернее, официально первым было суждено стать другому.

И вот только после всего этого о сенсационных результатах работы лаборатории Гладышева доложили главе государства.

Президент прекрасно помнил тот день. И дождь, и осеннюю листву на капоте президентского автомобиля, и сияющие лица молодых ученых, и нарядного, сурового, как курсант на параде, Гладышева. Президент слушал о том, что «они сделали это!», что теория биополярной природы времени полностью подтвердилась, переходы во времени действительно возможны, время – это ни что иное как, упрощено говоря, биологический магнит, имеющий «плюс» и «минус», и раз мы имеем возможность осязать «плюс», то можно добраться и до «минуса», если мы живем на Северном полюсе, то есть где-то полюс Южный и мы можем протоптать к нему тропу, вот мы и протоптали... Президент слушал о том, что эксперименты полностью подтвердили положения теории Гладышева и в отношении того, что прошлое изменить нельзя...

До Президента доносились слова о том, что это лишь начало великого пути, что это как первые мобильные телефоны – неудобные, большие, дорогие, с неустойчивой связью, а впереди – массовый выпуск, удешевление и обрастание возможностями, какие сейчас даже трудно себе представить. Что мы имеем сейчас? Возможность отправить в одну точку прошлого лишь одного человека, а максимальная продолжительность пребывания там строго ограничена сутками, меньше можно, больше – пока никак. И назад раньше программного срока никак не вернешься, попал – сиди там до тех пор, пока не растворится биоактивная оболочка кристалла. Как бы туго тебе там не приходилось – нет способа вернуться досрочно. Но это пока, а завтра... Даже трудно представить, до чего можно додуматься завтра. Конечно, при условии увеличения финансирования, расширения штата, приоритетной государственной поддержки на всех уровнях...

Президент слушал, просматривал разные видеозаписи. Слушал, смотрел... и не верил. Как в такое вот так вот запросто поверишь?!

– Так просто? – Таким был первый вопрос, который задал тогда Президент Гладышеву. – Проглотил кристалл и оказался в прошлом? Никаких машин времени, как в «Иване Васильевиче»?

– Машина внутри кристалла, – сказал Гладышев. – То есть вмонтированная в кристалл наноплата составляет с биоактивной оболочкой кристалла единое целое. Даже более того.

Человек с кристаллом, в котором находится наноплата, – это единое и неразрывное целое и есть та пресловутая машина. А кто сказал, что машина – это обязательно что-то громоздкое с рычагами, с кабиной и креслом пилота? Раньше вот один компьютер занимал целую комнату, а теперь процессор с гораздо большей производительностью можно разместить на кончике иглы.

– Да-да, – согласился пораженный всем услышанным и увиденным Президент.

В конце концов, после длительных разъяснений, пояснений и демонстраций глава государства как-то уместил в голове, что все всерьез и все на самом деле, уверовал, что сказка и впрямь стала былью, понимаете...

А через месяц состоялось то историческое совещание. Без всякой иронии историческое: они решали, стать ли открытию всеобщим достоянием или наложить на него гриф строгой секретности со всеми вытекающими.

Президент тогда поддержал Гладышева: во-первых, потому что на тот момент доверял ему безоговорочно во всем, что касалось работы над проектом, во-вторых... А во-вторых, стоит проект засекретить, как он тут же перейдет под крыло силовых министерств, а те – всецело под Премьером. Стало быть, Президента постепенно отодвинут от Сколково, а потом и вовсе отстранят. И это «во-вторых», если уж честно, было намного важнее и «первых», и «третьих», и под иными номерами расположившихся доводов и аргументов (таких, скажем, как наполнение бюджета страны). Итог заседания два – один в пользу коммерческого использования открытия. Есть космический туризм, теперь быть туризму межвременному. Договорились, что сперва, конечно, все еще раз проверят и испытают, отработают и наладят, а потом, что называется, запустим в серию. Без промедления запустим. И значительную долю денежных поступлений необходимо будет вкладывать в новые исследования, потому что они сулили возможности гораздо более впечатляющие, чем краткосрочные поездки в прошлое. И вот этими-то открытиями можно будет не спешить делиться со всей общественностью.

В свое время трое политиков, лидеров государств подписали в Беловежское соглашение, ознаменовавшее конец супердержавы СССР. Другие трое уже в Москве, в кремлевском кабинете Президента, приняли судьбоносное решение об учреждении государственного проекта «Сколково. Хронотуризм». И теперь, как и в случае с развалом Советского Союза, назад уже не отыграешь...

...Президент поставил вновь опустевшую чашку на поднос. Ладно, хватит предаваться воспоминаниям. Эх, как Запаров зацепил за живое своим дурацким текстом!

Ну-ка, что еще говорят в сети? Он вернулся к компьютеру, пробежался по ссылкам.

Так. С новостной ленты: «Генеральный секретарь ООН предупредил, что необходимо принять срочные меры по предотвращению катастрофических изменений, которые могут вызвать опыты с физическим временем. Он призвал страны-члены ООН принять законодательные акты, запрещающие все формы темпоральных экспериментов, так как они „противоречат достоинству человека“ и выступают против „защиты человеческой жизни“. На ближайшей Генеральной Ассамблеи будет предложен проект резолюции, содержащей призыв к государствам-членам запретить все формы опытов со временем. Также будет предложено принять дополнительный протокол к Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства, касающийся запрещения опытов с физическим временем».

«Боятся, черти, – усмехнулся про себя Президент. – Боятся, что будем копаться в их прошлом. Знать, грешков-то там немерено у каждого». Впрочем, все это было предсказуемо – и реакция мировой общественности, и отдельных политиков. Да только сделать они ничего не могут. А если попробуют – на каждого из них к тому времени будет уже накоплено пухленькое досье. Этим очень скоро займутся вплотную, ведь надо быть ко всему готовым...

Так, вот еще с новостной ленты: «Арнольд Шварценеггер подтвердил свое желание в следующем году совершить хронотуристический вояж по местам своей славы. В интервью

агентству „Росбалт“ он сказал, что собирается посетить премьеру первого „Терминатора“, и „Конана-варвара“».

Ага, и тут же: «Боксер Николай Валиев заявил, что не исключает своей поездки в прошлое. Он заявил, что намерен посетить Куликовскую битву. Он подчеркнул, что за свою жизнь не боится и обвешиваться оружием не собирается. Он сказал, что хватит и кулаков».

Так, а это что за популярная ссылка? Футуролог Дергаев: «Что будет дальше? Этот вопрос мы задаем себе все чаще и чаще. Так называемый хронотуризм, никак не меняя настоящее (вроде бы все ученые в этом единодушны), все же оказывает на него все большее влияние. Начиная с мелочей, скажем, с того, что само слово „хронотуризм“ уже прочно вошло в нашу жизнь, а название города Сколково все больше ассоциируется исключительно с компанией „Хронотуризм“ и становится именем нарицательным. Что же кроме этого? Отмечено возрастание интереса к истории в школах, повышение спроса книг на историческую тему, вырос конкурс в вузы на исторических факультетах. Историческая наука покидает пыльные архивы и уходит в реальность. Скоро неминуемо изменится и подготовка историка как профессионала – упор будет делаться на изучение древних языков, на этнографию древних народов и даже на физическую и военно-техническую подготовку. Кабинетный историк уходит, ему на смену идет солдат истории. А научно-исторические споры уже не имеют смысла. Для примера, многолетние дебаты на тему, было ли на Руси татаро-монгольское иго, сейчас разрешить легче легкого: можно отправиться в интересующее время и все разузнать на месте.

Что же видится в далекой перспективе? Со временем (возможно, даже ждать придется совсем недолго) технология хронопеременения станет общедоступной: кристаллы перемещения будут продаваться в каждом магазине и будут по карману любому гражданину. И вот тогда наше настоящее преобразится до неузнаваемости. Скорее всего, это приведет к краху нынешней валютной системы. Возникнет новая валюта – время. И на первых порах всеобщим эквивалентом как раз и станут те же кристаллы. Существующая финансовая система обрушится, и разразится невиданный в истории экономический кризис (особенно с учетом того, что многие люди начнут отправляться на заработки в прошлое так же, как сейчас отправляются на работу за границу, и будут привозить оттуда в больших количествах золото, бриллианты, иные материальные ценности). А любой мировой кризис чреват социальными потрясениями вплоть до новых глобальных войн. А если предположить, что все же (хотя нас и пытаются уверить в обратном) будет создано хронооружие... Тогда последствия для мирового порядка вообще трудно представимы».

– Любите же вы все сгущать и пугать народ, – вслух проговорил Президент. – Уж как страшали две тысячи двенадцатым годом. И что? Да ничего.

И дальше читать не стал. А перешел по новой ссылке.

Профессор-лингвист Шубина Л. Н.: «Я считаю, учредители фирмы ошиблись, выбрав проекту название „хронотуризм“. Они не учли возможную коннотацию данной языковой единицы. То есть не приняли во внимание дополнительную эмоционально-оценочную окраску слова с точки зрения русской традиции словоупотребления. А ведь совершенно очевидно, что в обиходном употреблении слово „хронотуризм“ неизбежно превратится в „хронотуризм“, что в общественном сознании может привести...»

И этот текст Президент не стал читать дальше.

– Да пусть хоть горшком называют! Вот уж наплевать!

Глава государства посмотрел на часы. Было без пяти девять. Счастливым президентский час подходил к концу. Через пять минут он перестанет принадлежать себе одному, начнет принадлежать президентскому расписанию. А весь день, как обычно, расписан от и до. И первым пунктом дня сегодняшнего значится посещение наукограда «Сколково-2».

Визит Президента в Сколково – дело обычное. Наукограды (и основной, и «Сколково-2») – они оба, в конце концов, его детища, поэтому ему необходимо время от вре-

мени напоминать об этом электорату, появляясь в новостях в окружении ученых на фоне сколковских декораций. Но сегодня предстояла весьма необычная поездка. Сколково они посетят вместе с Премьер-министром России. Премьер будет там впервые. И Президента, признаться, сей факт если не тревожил, то озадачивал. Почему Второй вдруг надумал проинспектировать «Хронотуризм», почему именно сейчас, что за этим кроется?

Ах да! Надо сделать запись в Твиттер. Каждый день в это время Президент обязательно что-нибудь писал в Твиттер. Народ привык, народ ждет.

По закладке сразу вышел на нужную страничку. Быстро заполнил окошко сообщений и нажал «Отправить». Сегодня Президент порадовал страну такой записью: «Вспомнилось: береги платье снову, а честь смолоду. Подумалось: береги и время смолоду».

Оставалась одна минута свободного времени. Ладно, последний заход по ссылке и на выход. Для поднятия настроения Президент заглянул на сайт «Красноватой Бурды», зашел там в раздел «Сколково» (ну как же без этого, все шутники теперь отмечают остротами про хронотуризм!), прочитал свежую шутку:

«Алкоголик Закусидзе наконец-то сдал бутылки и отправился в прошлое. Чтобы выкушать хотя бы по глоточку „Пшеничной“ по три шестьдесят две, портвейна „Дербент“ по четыре тридцать, легендарного „Яблочного“ по рубль ноль четыре и вспомнить изумительный вкус разбавленного „Жигулевского“».

И тут же ниже располагалась частушка из серии «Сколковские напевы»:

«Рыба плавает в томате,
Рыбе в банке хорошо.
Что же я, ядрены лапти,
В хронтуристы не пошел!»

Заразительный президентский смех слышать никто не мог — двери наглухо закрыты...

ИСТОРИЯ 2.0

Бросок Мамбы

1

Денис бежал без оглядки по влажному дремучему лесу. Ломился сквозь чащобу, не разбирая дороги. Чудом было уже то, что он до сих пор не сверзился в яму и не сломал ногу или того хуже – упал в овраг и свернул шею...

Весь облепленный паутиной, измазанный в клейком соке, с исцарапанной мордой лица, как любил выражаться их шеф – старший научный сотрудник, доктор биологических наук Виталий Мезенцев. Спецкомбинезон из особого высокопрочного материала пока защищал тело от порезов и ссадин. Да и шут с ними, с порезами, – элементарно выжить бы!..

С самого начала он знал, что продержаться нужно будет всего час – именно столько дали ему времени, отправляя в далекое прошлое, в эпоху загадочных рептилий дино. А теперь уже не час – Денис мельком глянул на часы – минута до момента возвращения. Так мало и в то же время так много, особенно когда за каждым гигантским саговником или гинкго, возможно, притаилась клыкастая смерть.

Он уже и думать забыл о выполнении задания: взять пробы воды, воздуха, образцы флоры и почвы. А главное, на месте определиться с положением магнитных полюсов Земли и сделать серию снимков звездного неба, по которым впоследствии можно будет вычислить положение планеты на орбите. Для всего этого его снабдили уникальными приборами. Один из них позволял «видеть» звезды даже в дневное время суток.

Еще Денис был прямо-таки облеплен миниатюрными биометрическими датчиками, усердно считывающими и записывающими на наночипы пульс, давление, температуру тела, обильность потоотделения – короче, все, что только можно считать с тела человеческого. Медикам ведь тоже любопытно, что происходит с подопытным при эдаких-то скачках по времени. Им ведь тоже хочется диссертации защищать.

А еще на нем были укреплены видеокамеры – каждая размером с булавочную головку. Всего их было четыре: они попарно, сзади и спереди, крепились на шапочке и на поясном ремне. И, само собой, исправно фиксировали все вокруг носителя. Запаса записи хватало с лихвой – на двое суток непрерывной работы. Сколковцы надеялись в скором времени довести пребывание путешественников в прошлом до суток...

Впрочем, пробы он взять успел, как и образцы грунта и растений. Поначалу ему везло – младший научный сотрудник наукограда «Сколково-2» (как зачастую для краткости именovali госпроект «Сколково. Хронотуризм») Денис Веселов бродил по первобытным чащобам, чувствуя себя первопроходцем. Шутка ли – 100 миллионов лет тому назад, меловой период! Людей тогда и в помине не было, и даже их отдаленных предков. Впрочем, приматы, кажется, уже появились...

Да-а-а, начиналось все славно. Выбор пал на него по ряду причин. Он – ученый, палеонтолог. Значит, с анализами тогдашней флоры, фауны и почвы все будет тип-топ. С приборами обращаться тоже умеет, знает, что и как применять.

С точки зрения физподготовки – молодой, здоровый, спортивный парень. Отслужил в пехоте – в мотострелковом полку. Так что кое-чему был обучен, например обращению с оружием. Хотя от компактного калаша с укороченным стволом и облегченным складным прикладом пришлось все же отказаться – в пользу далеко не компактного прибора для фото-

графирования звезд. Ограничения по весу носимого с собой груза, включая экипировку и прочие прибабасы, столь нужные в путешествии, были жесткими.

В итоге он ограничился знакомым по армейской службе штык-ножом и туристским топориком. Даже пистолет не вписывался в грузовой лимит. С другой стороны, что значит пистолет супротив многотонной свирепой твари типа тираннозавра?.. Так, пукалка...

«Ты, парень, главное, того – не лезь на рожон, – напутствовал его перед „стартом“ начальник службы безопасности генерал-эфэсбешник, – героя из себя не строй! Ты и так героем будешь – по-любому. Ты ж первый, Гагарин, можно сказать...»

Что верно, то верно – первый... Оттого и тряслись поджилки, когда, полностью экипированный, он шел в камеру перемещения. Но помимо мандража ощущался какой-то... кураж – вот верное слово! Если сделает все, как надо, и не облажается, вернется живым и невредимым, то... Ну, дальше рисовались картины почета и признания. Толпы восторженных землян, встречающих своего героя. Радостные лица, море цветов, восхитительные девушки рукоплещут и шлют воздушные поцелуи, а потом прием в Кремле, Президент с дружески-торжественной миной прикрепляет «Золотую Звезду» на грудь bravому хрононавту...

Денис не удержался и хохотнул, представляя себе все эти глупости. Шедшие рядом сотрудники Центра хроноперемещений покосились на него. Видать, подумали, что у него это нервное. Ну, так оно и было, в общем-то.

Отправляли его не прицельно, точно знали одно: куда-то на широкие просторы тогдашней Евразии. Материк ко времени отправки уже откололся от Северной Америки, таким образом, прекратив существование гигантского суперконтинента Лавразия.

Черт его знает, куда он попал на самом деле. Это было похоже и на африканские заросли, и на густые леса Азии. А может, прыжок во времени переместил его на просторы дикой Америки?

Леса и впрямь везде были сплошь хвойные, с густым изобилием цветковых кустарников и полукустарников и с редкой примесью папоротников. В этот период – средний мел – цветы по-настоящему взялись за переустройство растительного мира планеты. Запах от них стоял одурманивающий! Порою сводящий с ума райским ароматом, а порою бьющий по обонянию резким смрадом гниющих отбросов.

Картина была удивительно волнующей: девственная зелень лесов и разноцветье заросших травами равнин. Но радость от встречи с нетронутой природой омрачало наличие очень опасных и агрессивных тварей, населяющих эти места.

Конечно, Денис был внутренне готов к встрече с ходящими на задних конечностях хищниками – тероподами. Все они были опасны, просто пресловутый король ящеров, тираннозавр реке, был одним из самых крупных, с впечатляющей зубастой мордой. Но если умники, рассчитывающие время отправки, не промахнулись, то здесь тираннозавров быть не должно – еще не родился на свет этот богатырь. Зато были хищники покрупнее ящера-короля. Спинозавр, к примеру.

Наверное, встретясь Денис со спинозавром, то отделался бы легким испугом, и не более: этот монстр, как полагали палеозоологи, питался в основном рыбой – даже мордой своей он смахивал на крокодила. Но молодой ученый столкнулся с гиганотозавром.

Веселов как раз закончил возиться с пробами и, закинув рюкзак с оборудованием за спину, потопал строго на север. Но не прошел и нескольких шагов, когда из зарослей с правой стороны высунулась жуткая заостренная морда, а следом, ломая кусты и деревца, вышагнула тварь ростом с двухэтажный дом. Парень застыл на месте, парализованный видом ужасного создания. Ящер был болотной окраски, с коричневыми поперечными полосами по всему телу – от головы до самого кончика длиннющего хвоста.

Маленькие глазки излучали холодно-мертвенный свет, одним из них чудище уставилось на возникшую перед ним добычу. Затем разинуло зубастую пасть, издало утробный рев и прыгнуло в сторону жертвы.

Веселова спасло неумение действовать в подобных ситуациях. За долю секунды до броска хищника он отпрянул назад, споткнулся о кочку и покатился по влажной земле. Мощные челюсти лязгнули над ним, гигантская тварь башенным краном нависла над ученым, расставив свои могучие ноги. Глаза, в которых мысль и не ночевала, несколько раз моргнули. Монстр явно не мог сообразить: куда же подевалась жертва?..

Но вскоре поймет. Денис ужом скользнул назад и вбок, краем глаза зацепил в нескольких метрах овражек и на четвереньках бросился туда.

Он успел – съехал в овраг, прежде чем многотонный хищник настиг его. Ящер склонился над расщелиной, пытаясь достать ускользнувшую пищу. Тщетно – шея у него была толстая, но короткая, он никак не мог достать свой законный обед. Веселов не стал ждать, когда тварь сообразит зацепить его похожими на сабли когтями передних лап. Он вновь уподобился дальнему родственнику ископаемых ящеров и пополз по дну оврага.

Гигантозавр не отставал, преследовал свою жертву, низко опустив голову, словно собака, идущая по следу. Тупо тыкая мордой в направлении ползущего человека и не в состоянии подцепить того на свои клыки, он разочарованно ревел. Картина была еще та – фантазмагорическая. Но попавшему в переплет палеонтологу было совсем не до смеха.

Денис прополз так метров тридцать. А потом замер: впереди овраг расширился, стенки раздавались в стороны и туда вполне мог спрыгнуть его враг. Вот, блин, попал!..

Веселов лихорадочно зашарил взглядом по сторонам и тут заметил темнеющее отверстие в стене оврага. Он скользнул к нему, в нерешительности остановился и после нескольких мгновений забрался в лаз.

У него был с собой отличный галогенный фонарь. Он щелкнул кнопкой – вспыхнул луч, осветивший уходящую вдаль черноту прорытого кем-то хода. Похоже на чью-то нору. Но вот чью?..

Этот зверь должен быть размером с человека – что, конечно же, не радовало. Если у него клыки и когти, как у тех тварей наверху, то беглецу несдобровать – что называется, попал из огня да в полымя.

Но Денис все же пополз вперед, точнее, засеменял на четвереньках. Назад пути не было: оттуда доносился утробный рев беснующегося гигантского ящера.

И он выбрался из этого логова, так ни на кого и не напоровшись. Повезло так повезло! Он очутился на обрывистом склоне высокого холма. Внизу журчала речка, за нею расстилался лес мелового периода. Все как обычно, и тварей опасных пока не видать. Денис перевел дух и глянул на часы: вот это да! За всеми этими передрыгами минутная стрелка совершила почти полный оборот. Оставалось всего ничего – десять минут до окончания его не укладывающегося в голове путешествия.

Он хмыкнул: а ну-ка, успеет он сделать еще один подарок коллегам? Пусть порадуются снимкам звездного неба над головой динозавров... Кстати, ученые мужи явно ошиблись с точкой хроноперехода: гигантозавры водились, как считается, только на Американском континенте.

Денис скинул со спины рюкзак, стал вынимать оттуда части хитрого фотоаппарата. Вскоре все было готово. И он с упоением принялся за работу, не забывая поглядывать на часы.

Он успел, уложился за пять минут до возвращения. Быстро все разобрал, зачехлил, сложил в рюкзак. Повернулся, насмешливо улыбаясь, чтобы отсалютовать зияющему чернотой лазу.

Улыбка так и застыла на его мгновенно окаменевшем лице. Тварь размером с крупную рысь или небольшого леопарда прыгнула из темноты норы, норовя вцепиться ему в горло. За миг до прыжка Веселов успел ее идентифицировать и даже удивиться. До сих пор ученые считали, что некрупный хищный ящер дейноних был покрыт чешуйчатой дубленой кожей. Но у той особи, что атаковала хрононавта, почти все туловище и ноги были покрыты ярко-оранжевым оперением.

Микрокамеры, закрепленные на шапочке и поясе первого хрононавта Земли, исправно зафиксировали забрызганную чьей-то кровью морду хищника середины мелового периода, водившегося на территории Америки. И в следующее мгновение младший научный сотрудник резко отпрянул в сторону, выхватил топорик и со всего маху ударил распластавшегося в прыжке ящера.

Острое лезвие отсекло переднюю короткую лапу, теропод пронзительно заверещал и молнией скрылся в норе. А его добыча, превратившаяся неожиданно в грозного противника, кинулась в другую сторону. Веселов попросту съехал на пятой точке по пологому склону холма. По мелководью переправился на другой берег попавшегося на дороге ручья и что есть духу припустил вперед.

Что с ним произошло – на этот вопрос он не знал ответа. Адреналин ударил в голову, заставляя позабыть обо всем на свете, бежать без оглядки... Бежать куда глаза глядят, подальше от врага, который едва не уколошил его только что...

И он бежал, неся во всю прыть. Пока не оставили силы.

Веселов внезапно почувствовал, что ноги не повинуются ему, колени подкосились, и он рухнул на покрытую мхом и травой землю. Ловя ртом воздух, приподнялся, глянул на часы: пошла последняя минута. Ну все – гоу хоум!..

Ученый собрался с духом, вскочил, лихорадочно огляделся. Все спокойно вокруг. До момента переноса во времени оставалось тридцать секунд. Ну что, суки мезозойские, сожрали, да?! На-кась, выкуси! Хрен вам и уши!!!

Веселов подпрыгнул на месте, гикнул и выбросил вверх руку: «Банзай!»

Затем опомнился, быстро присел на корточки, приготовился к переходу. Впился взглядом в циферблат. Десять секунд, девять... сейчас, сейчас!.. И тут острая боль пронзила его спину. Он выгнулся дугой, рванулся из последних сил вперед. Не удержался и рухнул лицом вниз, но тут же перевернулся. Огромная тварь зависла над ним, скаля огромные зубы.

«Я же сумел! – вспыхнула в последний миг в мозгу обидная мысль. – Нет, несправедливо, я продержался!!!» Он заслонился рукой, на которой блеснули солнечным бликом часы. Три секунды, Боже, две... еще одна, последняя секунда и все – он спасен! Но в следующее мгновение острые клыки сомкнулись на шее ученого.

Тело хрононавта несколько раз конвульсивно дернулось и вскоре исчезло в ослепительной вспышке, оставив напавшую тварь голодной.

2

Евгений Белов в прошлом был спецназовцем. Но вот кем уж точно никогда не был, так это тупым солдафоном. Послужил Родине всласть, успел побывать в горячих точках. А потом перевелся в органы государственной безопасности. Перед этим окончив, как и полагается, Академию ФСБ.

Новоиспеченного капитана госбезопасности после ознакомления с его делом и после того, как он успешно прошел все тесты, тут же взяли в проект «Сколково» – на оперативную работу.

Когда его кандидатуру – среди многих других – выбрали и одобрили для засылки в прошлое, он и глазом не моргнул. Ну, во-первых, он человек служивый и привык беспрекословно подчиняться приказам командиров. И потом, это ж почетно-то как: фактически первый хрононавт, сродни тому же Гагарину! То, что по-настоящему первый «засланец» погиб лютой смертью, ни о чем не говорило. И в наше время есть место подвигу и заслуженному почету, пусть и посмертному. И потом, это эксперимент, а тут потери неизбежны.

Впрочем, Белов много чего умел и многому был обучен. Он не без основания полагал, что сумеет выкрутиться, даже если попадет в серьезную переделку. Чай, не ботан в очочках и с научной дурью в башке!

Справедливости ради надо сказать, что капитан ФСБ науку и ее служителей совсем не презирал. Отнюдь! Сам был полиглотом, в совершенстве владел английским, увлекался историей Запада. С учетом этих знаний его и заслали в определенный регион в конец позапрошлого века. Но слегка просчитались – технологии засыла были все же экспериментальными...

Высокомудрые спецы ошиблись, во-первых, на целых тридцать лет и, во-вторых, вместо Атлантического побережья Северной Америки запульнули своего хрононавта на много километров восточнее – в открытое море.

Но Евгению Белову определенно везло – фарт поначалу был на его стороне. Очутился он не барахтающимся среди волн, что грозило неминуемой смертью от переохлаждения – дело, как он узнал позже, происходило аккуратно в середине ноября. Нет, он попал прямиком на палубу морского судна. Точнее, в трюм.

Сколковские костюмеры предлагали ему облачиться в одежду, соответствующую времени, куда его засылали. Но Белов отказался – он решил экипироваться по-своему. Привычный камуфляжный костюм, берцы. Оружия серьезного решил не брать, все ж таки не в джунгли отправляется. Прихватил только нож десантника – прочный тридцатисантиметровый клинок с полуторасторонней заточкой. Нож он в специальных ножнах прикрепил сбоку под курткой.

После незабываемых ощущений перехода, когда, казалось, тебя разложили на атомы, а потом снова собрали, он очутился в кромешной тьме. Но то была не изначальная тьма мироздания, а вполне обычный мрак темного закрытого помещения. Впрочем, лучик света все же имелся, и бравый офицер пошел на него, словно летящий на огонь мотылек.

В полутьме, близ источника света, Белов наткнулся на поручни металлической лестницы. Ага, не иначе как ведет вверх – к выходу! Туда нам и надо.

Засланец в прошлое принялся осторожно подниматься по трапу. В голове слегка зудели тревожные мысли. Например, о том, что его предшественник-неудачник не сумел продержаться и часа и погиб буквально на последней секунде, как исправно показала видеозапись. Белову выделили уже целых три часа – технологии отправки медленно, но верно прогрессировали. И погибать почему зря он не собирался. Да и где здесь опасность?..

Ну, понятно, что он на судне, и притом не на паруснике каком: откуда-то сбоку доносился глухой шум работающего движка, а это значит, что рядом машинное отделение. То есть он попал на пароход.

Капитан ФСБ напряг память. Кажется, первые пароходы появились еще в начале позапрошлого века. А его дата прибытия – как раз таки конец восемнадцатого. Тут уж, как говорится, индустрия была развита. А значит, шансов продержаться – всего-то три часа! – и уцелеть было много больше, чем у того бедолаги, свалившегося динозаврам на голову. Впрочем, и на старуху бывает проруха – «Титаник»-то затонул...

Ладно, прорвемся!

Белов достиг верха трапа и очутился на небольшой площадке перед дверью. Так и есть: приглушенным светом горел аварийный фонарь. Капитан схватился за ручку, подергал – заперто. Вероятно, снаружи люк задраен. И что прикажете делать – торчать тут три часа?..

Тут его досадливые размышления были прерваны звуком отворяющегося запора. Лязгнули засовы, водонепроницаемая дверь отворилась, и внутрь шагнул среднего роста крепкий бородач. Судя по висящей на груди дудке, то был боцман. На его фуражке Белов успел разглядеть название судна – «Вестрис». И что-то шевельнулось в памяти, причем что-то такое тревожное, нехорошее...

В свою очередь вошедший увидел незнакомого человека в трюме, да еще так диковинно одетого, и аж крикнул от неожиданности. Затем опомнился, усы его встопорщились, он побагровел и густым басом бросил – говорил он на английском:

– Кто вы такой?! Как здесь очутились?..

Белов не растерялся, сам пошел в наступление:

– Я объясню, но сначала вы представьтесь...

Тот пожевал губами, затем потряхнул головой:

– Гордон Смит, боцман, – и тут же потребовал: – жду ваших объяснений, сэр...

Капитан-эфэсбешник соорудил хитрую мину на лице и молвил:

– А вы не догадываетесь, Смит, а?..

Какое-то время боцман стоял, пыхтел, соображая, затем его осенило:

– Разрази меня гром! Так вы из Ллойда, сэр?..

Засланец в прошлое принялся лихорадочно вспоминать все, что знал из отрывочных сведений об обществе Ллойда. Кажется, их было даже два – страховое агентство и еще какая-то другая контора. Впрочем, он тут же нашелся:

– Вы догадливы, мистер Смит. Позвольте представиться: Юджин Уайт, инспектор Ллойда по Североамериканскому региону.

Боцман какое-то время переваривал услышанное, потом разлепил губы:

– Дьяволы морские! Так я и знал, что с проверкой кто-нибудь нагрянет! А ведь говорил капитану: у нас значительное превышение грузовой марки...

– Вот-вот, – подхватил новоиспеченный ллойдовский агент, – потому я и попал на корабль инкогнито, чтобы все проверить самому.

И вижу, что вы не соблюдаете ограничения по грузу. – Он смолк, откашлялся и со значением заявил: – Мистер Смит, я вынужден буду доложить своему руководству, что ваше судно вышло в рейс с нарушением международной конвенции.

Белов слегка блефовал, он не мог вспомнить, когда именно была принята пресловутая конвенция, да и вообще, что именно в ней было прописано в отношении груза на судах. Он даже не мог вспомнить пока, в какие годы бороздил океан пароход «Вестрис». Но пока все шло гладко, боцман все проглотил и не поморщился.

– Сэр, – голос боцмана был уже не таким густо-басовитым и уверенным, – я полагаю, вам нужно поговорить обо всем с капитаном, мистером Вильямом Кареем.

– О'кей, Смит, ведите меня на мостик.

Боцман замялся, потом все же сказал:

– Прошу прощения, сэр, но я должен проверить грузовые трюмы... это дело не терпит отлагательства. Вы подождете меня здесь?..

Белов махнул рукой:

– Да я пройду с вами, боцман. Давайте вместе проверим.

Они спустились вниз, боцман включил освещение. Проверили все в первом отсеке – здесь был полный порядок, затем перешли во второй. Трюмы разделяли водонепроницаемые переборки с крепкими огнеупорными люками. Пока осматривали помещения, Белов попросил боцмана описать членов экипажа – командный состав.

– Возможно, вы знаете, сэр, – с гордостью вещал моряк, – что капитан «Вестриса» опытный судоводитель, на его счету сотни успешных рейсов на этом и других пароходах.

Затем он перечислил других офицеров, упомянув о заслугах каждого.

– Расскажите о судне, Гордон, – попросил «инспектор».

– «Вестрис» – двухвинтовой грузопассажирский пароход, сэр. Его вместимость двенадцать тысяч регистровых тонн, а длина целых сто пятьдесят метров. Это собственность английской компании «Лампорт и Холл». Но вам ведь и так это все известно, мистер Уайт, разве нет?

Белов кивнул:

– Все так, Гордон. Но я хотел услышать это от вас. Так что все сходится – мои сведения о корабле и ваши. В таком деле лишняя информация не помешает, знаете ли...

– Верно, верно, – закивал с готовностью боцман.

В других отсеках груз был на месте: коробки с медикаментами, обувью, ящики с консервами. В одном из трюмов стояли клетки с грузовиками. В специальные ямы был засыпан уголь. Как сообщил боцман, около трех тысяч тонн, что на триста тонн превышало разрешенный лимит. Это обстоятельство и взволновало боцмана – инспектор Ллойда мог пожаловаться агентству, те бы выставили претензии к судовладельцам, а в итоге по шапке получил бы капитан, ну и команде срезали бы премиальные.

Белов, изменивший имя и фамилию на английский лад, внутренне ликовал: удачно он воспользовался этим нарушением. Сейчас еще надо будет наехать на капитана, а потом погулять по палубам парохода три часика. Можно даже взять пробы забортной воды, еще там чего сделать, о чем просили сколковские умники.

В трюм с углем они так и не пошли – туда надо было забираться с верхней палубы. Боцман Смит повел его на капитанский мостик, где сейчас должен был находиться чиф.

В ходовой рубке помимо капитана – пожилого мужчины благообразной внешности – находились еще вахтенный штурман, второй помощник капитана и матрос. Лица у всех были озабочены. Вскоре выяснилось почему. Корабль имел крен на правый борт, и это никого не радовало. А тут еще, оказывается, поднялось волнение.

Капитан Карей молча выслушал боцмана, представившего своего спутника. Потом повернулся к мнимому агенту:

– Мистер Уайт, я полагаю, никому из нас не нужны неприятности. Вы проникли на судно без нашего разрешения, а это недопустимо. Здесь вы посторонний, и я могу арестовать вас и посадить под замок. Но...

Белов усмехнулся:

– Ваша воля, капитан. Но тогда пощады от меня не ждите. Я сделаю все, чтобы у вас отобрали лицензию.

Карей оставался невозмутим. Он выждал, когда «агент Ллойда» выговорится, затем продолжил:

– Лицензия мне вскоре станет не нужна – это мой последний рейс. Я выхожу в отставку. Но ни мне, ни команде не нужны неприятности. Поэтому давайте решим дело полюбовно.

Вы закрываете глаза на наше небольшое нарушение, а мы дадим вам возможность спокойно и с комфортом проследовать с нами до конечного пункта – Буэнос-Айреса. – Он выдержал красноречивую паузу и добавил, понизив голос: – Ну, и кроме того у меня для вас будет скромная компенсация...

Белов едва не расхохотался: нет, ну надо же, купились на его уловку, а теперь еще и взятку предлагают! Вслух же он вкрадчиво поинтересовался:

– Насколько скромная, мистер Карей?

Тот наклонился к уху лжеагента и прошептал. «Инспектор Уайт» едва не присвистнул: неплохо, совсем неплохо, учитывая тогдашние цены на основные товары и продукты. Да и сейчас лишние деньги не помешают – он ведь может взять их себе по возвращении. Тамошние доллары до сих пор в ходу. Дату он узнал по дороге от боцмана – горе-ученые лоханулись и заслали его на целых тридцать лет позже! Сейчас было двенадцатое ноября 1928 года.

В общем, не стал он морочить голову ни себе, ни капитану – и принял заманчивое предложение. Чиф велел вахтенному матросу сбегать в судовую кассу и принести нужную сумму.

Не успел тот выскочить из рубки, как забежал помощник боцмана с бледным лицом, увидел старших офицеров и незнакомого человека, замешкался, потом все же обратился к боссу:

– Сэр, разрешите доложить? У нас сильная течь по правому борту – вода проникает через полупортик! Нижние ямы трюма затоплены...

Карей и виду не подал, что его взволновало сообщение помощника. Зато у других вытянулись лица.

В следующее мгновение в рубку влетел запыхавшийся старпом и с ходу выпалил:

– Капитан Карей, сэр, крен достиг уже двенадцать градусов и он продолжает увеличиваться!..

И опять в лице капитана не дрогнул ни один мускул. Он помолчал и обратился к боцману:

– Мистер Смит, возьмите матросов и организуйте откачку воды. Задействуйте все помпы.

Боцман со своим помощником бросились выполнять указание, а Белов со словами «Я с вами» увязался за ними. Кажется, дело принимало серьезный оборот.

Пока бежали вниз, минуя помещения твиндека, Белов лихорадочно соображал. Ему нужно пробыть в этом времени чуть меньше трех часов. Он мельком глянул на циферблат специальных наручных часов, которые кроме основного времени показывали обратный отсчет перед возвращением домой. Оставалось два часа и тридцать пять минут.

Ему не давала покоя какая-то смутная мысль, неясное воспоминание – нечто, как раз касавшееся этого лайнера. Определенно где-то когда-то он что-то читал или слышал об этом судне и случившемся с ним происшествии. Но вот что именно – этого он никак не мог вспомнить. Что случится с кораблем – затонет он или все обойдется? И если пойдет ко дну, то через какое время? Успеет ли он, второй хрононавт, вернуться к себе или... Вот хрен моржовый, не хотелось бы думать о плохом. Но оно, плохое, так и лезет в голову!..

Наконец они достигли угольных ям на нижней палубе. Сновавшие здесь грузчики уже настелили доски поверх воды, которая медленно, но верно заливала верхний трюм. К ним кинулся судовой плотник.

– Мистер Смит, – затараторил он в волнении, – я заделал течь в лацпорте, но вода продолжает поступать через полупортик правого борта. Там я ничего не могу поделать, сэр!

– Хорошо! Необходимо включить отливные насосы. Идемте вниз.

Боцман увлек всех за собой. Когда спустились в нижний трюм, увидели, что угольные ямы вдоль правого борта залиты водой. Немедленно включили помпы – благо те оказались с электроприводом.

«Ладно хоть не вручную откачивать», – подумал Белов. В это время, перекрывая звук работающих насосов, послышался шум откуда-то сверху. Такое ощущение, словно каскад воды обрушился вниз. Смит заметил недоуменный взгляд «инспектора» и поспешил пояснить:

– Вероятно, капитан распорядился откачать балласт из цистерн правого борта. Таким образом он надеется уменьшить крен.

Белов рассеянно кивнул в ответ, а сам в который раз подумал: сумеют ли они справиться с аварией или нет?.. Кажется, непогода крепчает, это заметно по усиливающейся бортовой качке.

Смит увлек его наверх. По пути он доверительно сообщил, что судно сильно рыскает – это чувствуется даже здесь, а что тогда творится на верхней палубе... Еще боцман сказал, что на месте судоводителя он бы подставил ветру как раз таки правый борт, а не левый, как сейчас. Но капитану виднее, на то он и чиф – царь и бог на корабле. Белов на эти слова ничего не ответил, но сам подумал, что может перечислить по памяти немало случаев, когда именно командиры проявляли преступную нерасторопность и неумение правильно оценить обстановку. И, вместо того чтобы прислушаться к мнению и советам подчиненных, надували щеки и растопыривали пальцы веером...

3

Стрелки на малом циферблате уникальных часов хрононавта показывали два часа до возвращения. За прошедшее с момента его появления на корабле время ситуация только ухудшилась. Шторм набирал силу, судно все хуже слушалось руля, а крен на правый борт продолжал увеличиваться. Уже пассажиры обоих классов стали выказывать признаки тревоги, выглядывая из кают и пытаясь ухватить за рукава пробегающих мимо озабоченных стюардов. Сказать что-либо утешительное в ответ тем было нечего.

Белов все это видел, так как бесцельно бродил по обеим палубам, не в силах находиться на ходовом мостике, где капитан, словно заторможенный наркоман, остекленевшими глазами смотрел на своих подчиненных и на настойчивый призывы старших офицеров развернуть судно и поставить правым бортом по ветру отвечал неизменным «нет».

Когда старший механик позвонил из машинного отделения и, едва не срываясь на визг, доложил, что вода бьет фонтаном в бункере и переборка котельной ее уже не сдерживает, Белов не выдержал и вмешался.

– Сэр, – попер он на Карея, – если вы не предпримете нужных мер, я составлю на вас рапорт, и будьте уверены – вас отдадут под суд. Вы что, не видите: судно терпит бедствие!..

Капитан какое-то время смотрел ему в глаза, потом отвел взгляд и глухо произнес:

– Мистер Уайт, вы не понимаете...

– Чего тут понимать?! – взорвался тот.

Карей повернулся к своим помощникам:

– Выйдите из рубки, нам надо поговорить наедине.

Те подчинились, и, когда в ходовой рубке остались лишь они двое, капитан молвил:

– Судно не потонет, мистер Уайт, это счастливый корабль. Мы откачаем воду, выровняем лайнер и благополучно прибудем в порт назначения. А если сейчас запросим помощи, то судовладельцы снимут с меня три шкуры. И на заслуженный мною отдых я уйду оплечванным и нищим. Нет уж, сэр, такое мне совсем не улыбается. Боссы обещали большие премиальные, и я сделаю все, чтобы их заполучить – и обеспечить себе спокойную, сытую старость. Так-то вот...

Белов помолчал, не зная, что сказать, затем раздраженно бросил:

– А если потонем – вам улыбается погубить корабль и людей? А, капитан, что скажете – триста пассажиров и членов команды?!

Тот упрямо мотнул головой:

– Мы не потонем. Сейчас откачают воду и судно выровняется. А шторм нам не страшен, «Вестрис» выдерживал и не такие шторма.

И тут, как будто в насмешку над его словами, раздался звонок по внутренней связи. Помощник боцмана Арчибальд Баннистер сообщал, что насосы почти не работают – их забило угольной крошкой и починить их на ходу нет никакой возможности. На что капитан ответил высокоумное «Ясно». А потом велел продолжать качать даже неисправными помпами. После этого находиться рядом с человеком, который потерял всякую связь с реальностью, стало для Белова просто невыносимым. Он резко повернулся и покинул рубку.

Евгений шел по коридору мимо кают второго класса и своим причудливым камуфляжным одеянием, кажется, еще больше пугал пассажиров. Внутри у него все кипело: ну ладно, он, офицер госбезопасности, мало что понимает во всем этом бардаке – в морском деле-то, но вот же, помощники этого тормоза-капитана талдычат битый час, как исправить положение, а тому хоть бы хны!

Внезапно, в голове у капитана ФСБ что-то щелкнуло, откуда-то полезли прочитанные еще в юности и давно забытые сведения. Ё-мое! «Вестрис»!.. Ведь это же то самое судно, что

затонуло в Атлантике в 1928 году! Именно после этого потрясшего всех случая и приняли Международную конвенцию о грузовой марке и правилах погрузки на морские суда... Ну да, точно – тогда Королевский суд Великобритании всю вину взвалил на капитана, который, к слову, не выжил, вменяя ему преступное промедление и халатность в действиях перед гибелью лайнера. А еще были выдвинуты обвинения заказчику, который перегрузил корабль сверх нормы. Все это и сыграло роковую роль в катастрофе.

Но ведь были и выжившие! Белов это точно помнил – вроде бы половине удалось спастись. Значит, и у него есть шанс, нужно только действовать грамотно. Судно все равно уже не спасти – упертый капитан твердой рукой ведет его к гибели. Ну и хрен бы с ним! Надо поднять тревогу – пусть люди будут готовы.

Белов помчался вниз в надежде разыскать боцмана и старпома, которые ему показались наиболее здравомыслящими членами команды на судне. В трюме, возле еле работающих помп, он наткнулся на первого помощника боцмана. Как там его?.. Ах да – Арчибальд Баннистер...

– Послушайте, Баннистер, – горячо обратился к нему мнимый инспектор, – я вижу, что ваш капитан нарушает все правила действий в аварийных ситуациях. Еще немного, и судно пойдет ко дну. Необходимо начать выводить людей из кают, раздавать им спасательные жилеты и готовить аварийные шлюпки к спуску. Быстро найдите старпома и Смита и начинайте наконец действовать. Я официально, как инспектор Регистра Ллойда, заявляю: капитан Вильям Карей будет отдан под суд!

Значительностью слов внушив всю серьезность момента, он бросился наверх, в надежде попытаться еще раз образумить ополоумевшего капитана «Вестриса». В штурвальной рубке, когда он забежал туда, капитан отчитывал взволнованного старшего стюарда.

– Не нужно сеять панику, мистер Дункан, – ледяным тоном высказывал кэп свои претензии. – Пусть пассажиры сидят в своих каютах и никуда не выходят. Нечего мешать экипажу. Нет повода, чтобы...

Белов не выдержал и, на полуслове прервав капитана, высказал тому все, что о нем думал. Напоследок он сказал:

– Если вы немедленно не начнете подготовку к спасению людей, то тюремная камера вам обеспечена – на всю оставшуюся жизнь.

Капитан побагровел от гнева, открыл было рот, чтобы в негодовании обрушиться на этого выскочку-инспектора, и тут прозвучал звонок внутренней связи – было слышно, как боцман кричит в трубку: «Сэр, крен достиг двадцати градусов, вода врывается через боковые шпигаты! Судно потеряло остойчивость и вот-вот ляжет на борт! Нужно эвакуировать людей! Капитан Карей, я прошу вас: обратитесь за помощью!»

Со словами «Чертов идиот!» Белов выскочил из рубки и кинулся на открытую верхнюю палубу. Именно там располагались шлюпбалки, на которых крепились лодки.

Когда он подбежал к борту, там уже всю хозяйничали матросы под руководством помощника боцмана. На вопрос Белова, где остальные офицеры, Баннистер ответил, что сейчас они обеспечивают сбор пассажиров на второй палубе, откуда их после команды капитана выведут к шлюпкам.

«Ну хоть что-то», – воспрянул духом хрононавт. Теперь бы еще кретину-капитану хватило решимости подать сигнал SOS. Пожалуй, стоит самому навестить радистов. Он снова побежал наверх.

В радиорубке находился один человек – как выяснилось, старший радист О'Лахлин. После того как Белов представился главным инспектором Ллойда, тот сообщил, что по указанию капитана передал с минуту назад лишь сигнал экстренного вызова морской радиопеленгаторной станции с сообщением о том, что вскоре может поступить сигнал SOS. Белов уже перестал удивляться тупости капитана этого злосчастного судна. Он принялся убеждать

радиста, чтоб тот передал немедленно сигнал бедствия. О'Лахлин колебался, но выработанная за годы службы выучка не позволяла ему принимать какие-либо решения без приказа капитана.

Видя, что безумство капитана заразно, Белов поспешил на палубу. Там к шлюпкам уже выводили людей. Посланец в прошлое решил все-таки поискать старпома, чтобы с его помощью воздействовать на радиста. Спросив у пробегающего матроса, где старший помощник, узнал, что того видели в носовом трюме. Белов поспешил туда.

Старпом и впрямь был там, как и боцман. Они о чем-то спорили, при этом Смит отчаянно жестикулировал своими широким лапищами. Белов направился к ним. И тут произошло непредвиденное. В передней части трюма при очередном сильном рывке раскачивающегося на взбесившихся волнах судна сорвало клетки с грузовиками. Ударившись со всего размаха в правый борт, они заставили судно крениться еще сильнее.

– Нужно спасать людей! – крикнул им Белов-Уайт. – И срочно просить помощи. Пусть радист даст сигнал SOS! Капитан уже вообще ничего не соображает...

4

Как оказалось, капитан все же отдал приказ радистам. Но было уже слишком поздно, чтобы обойтись малой кровью. Белов стоял на верхней палубе и с отчаянием наблюдал, как невыносимо медленно людей усаживают в шлюпки, а потом так же медленно травят носовые и кормовые тали, стараясь делать это синхронно, чтобы не перевернуть шлюпку.

Вот ведь чертовы устройства! Белов сокрушенно покачал головой: какого хрена они там возятся, неужели нельзя было оборудовать опускные механизмы лебедкой с электродвижком?! Или тогда еще не изобрели такие?..

Слава богу, никто не паниковал. И это радовало. Белову доводилось слышать о случаях, когда во время кораблекрушений озверевшие толпы пассажиров, а то и сам экипаж затаптывали слабых на своем пути к лодкам, отталкивали женщин и детей, лишь бы успеть первыми, спастись любой ценой. Могучий инстинкт самосохранения, помноженный на подлость и бесчеловечность, творил поразительно гнусные дела.

Здесь и сейчас пассажиры, находящиеся в шоке, тем не менее, вели себя сдержанно, подчинялись указаниям младших и старших офицеров. Члены команды в свою очередь держались достойно, помогали людям и не рвались вперед. Совсем не так было на «Титанике» – судя по рассказам выживших очевидцев. Да и в шедевральном фильме Джеймса Камерона это было наглядно показано.

В это время раздались крики со стороны левого борта: как оказалось, один из тросов заело и лодка с людьми опасно накренилась носом вниз. Один из офицеров закричал матросам, чтобы те удерживали носовой канат, пока их товарищи не разберутся с кормовым. Но тщетно те пытались исправить механизм – блок заело намертво. Тогда был отдан приказ рубить тали.

Белов видел, как матросы большими ножами принялись перерезать удерживающие лодку на весу тросы. Он понимал, что если тали будут перерублены не одновременно, то людей ждет гибель – шлюпка ударится кормой о воду и обязательно перевернется. Он кинулся к ним.

– Стойте! – крикнул он. – Подождите. Пусть сначала перерубят кормовой таль, а носовой надрежут. Когда трос будет перерублен, одним ударом дорежем второй таль.

Так и сделали. Белов сам надрезал носовой трос до нужной толщины. И когда лопнул кормовой таль, рубанул со всей силы по натянутому, словно струна, подрезанному наполовину тросу. Лодка ухнула вниз, корма первой ударилась о набежавшую волну, подпрыгнула и, прежде чем выровняться, сильно качнулась вправо. Те, кто сидел у правого борта, свалились в воду.

Но и этого оказалось мало разбушевавшейся стихии. Следующая волна подхватила шлюпку и с размаха ударила ее о стальной борт, разнеся в щепы. Оказавшиеся в холодной воде люди отчаянно барахтались. Те, кто остался на шлюпочной палубе, закричала от ужаса.

Вахтенный офицер, руководящий вываливанием шлюпок за борт и их спуском, тут же зычно крикнул:

– Барбадосцы, спасайте людей! Круги на воду!

При чем тут жители Барбадоса, Белов сначала не понял, но увидел, как чернокожий матрос и несколько его товарищей прыгнули в бурлящую воду. Вслед за ними за борт полетели спасательные круги и несколько концов. Все с тревогой следили за отчаянными попытками смельчаков спасти несчастных пассажиров – большинство из них составляли как раз женщины и дети. Было заметно, что эти самые барбадосцы были отличными пловцами. Им удалось не только самим не утонуть, но и спасти многих. Увы, не всех.

Остальные шлюпки пока висели на таях, опасно раскачиваясь и тем самым пугая сидевших в них пассажиров. Члены команды попытались спустить на воду еще одну шлюпку, полную женщин и детей. Им это удалось, многие уже перевели дух – наконец-то хоть что-то получилось, но тут произошло несчастье. Одна из тяжелых станин шлюпбалки сорвалась с креплений и рухнула прямоком на эту лодку. Все, кто в ней был, мгновенно погибли.

Белов не мог верить своим глазам – да что за напасть такая! Одно к одному! Он заметил, что у двух шлюпок матросы не могут отсоединить удерживающие их гаки. Еще одна шлюпка сама сорвалась с талей и заскользила по палубе к правому борту. И это судно капитан называл счастливым?! Да-а-а, каков поп, таков и... пароход.

А волны уже перекатывались по правой стороне прогулочной палубы. Судно практически легло на правый наветренный бок. Люди в спасательных жилетах и нагрудниках прыгали в воду, не дожидаясь шлюпок. Матросы выкинули несколько спасательных плотов, и это все, что они успели сделать.

Принимая участие в спасательной операции, Белов позабыл о своих чудо-часах. Спихнулся, глянул: оставалось чуть меньше получаса.

Значит, нужно продержаться еще с полчаса и все – нах хауз. А теперь пора убираться с тонущего парохода – «Вестрис» агонизировал. Еще немного, и он пойдет ко дну.

К этому времени большинство пассажиров и членов команды покинули судно. Многие просто кидались в бушующие волны. Часть из них так и не выплыла, другим удалось добраться до лодок и плотов.

Белов кинулся к последней шлюпке, возле которой возились двое темнокожих матросов. Подбежав, хрононавт узнал тех самых барбадосцев – отличных пловцов. Как видно, лодка никак не хотела соскакивать с кильблоков.

– Я помогу вам, – выкрикнул сквозь шум ветра Белов.

Втроем они взялись за тали и буквально выдернули шлюпку из захватов. Она повисла над кромкой воды, которая почти подошла клевому подветренному борту. Правый уже скрылся под волнами. Им удалось быстро отсоединить носовой таль, а кормовой никак не поддавался.

Они прыгнули в лодку и принялись перерезать прочный трос. В это момент нахлынувшая волна подняла шлюпку и обрушила ее вниз. Трос дернулся и вырвал рым, за который цеплялся. К счастью, им удалось удержать лодку на плаву. Оба матроса прыгнули в воду и принялись вытаскивать барахтающихся среди волн людей. Белов удерживал лодку и принимал спасенных.

Так им удалось втащить в шлюпку два десятка человек – большего они сделать не могли.

Лодка медленно дрейфовала неподалеку от места трагедии. Белов посоветовался с матросами, и они решили пока не грести – неизвестно, в каком направлении придется двигаться, когда подоспелет помощь. Связь с другими лодками – и визуальную, и голосовую – они потеряли. Рации на шлюпке не было, лишь несколько сигнальных ракет. Решили их пока не выпускать, экономить. Все чутко прислушивались – не раздастся ли гудок или еще какой сигнал от прибывших спасателей?

Все, конечно, были измучены и подавлены случившимся... К тому же томила неопределенность – найдут ли их в темноте среди волн?..

Но вот забрезжил рассвет, и стихия понемногу успокоилась. До возвращения домой второго сколковского хрононавта оставалось меньше четверти часа, когда послышался шум подходящего к месту крушения большого судна. В следующую минуту по воде зашарили мощные прожекторы. Матросы со шлюпки, уже более не медля, выпустили одну за другой ракеты в воздух.

Их обнаружили!..

Они энергично, сменяя друг друга, заработали веслами. Вскоре перед ними вырос высоченный стальной борт лайнера. В первых рассветных лучах они сумели прочесть надпись: «Берлин». Сверху им бросили тросы, чтобы закрепить их на шлюпке и поднять ее на палубу. Увы, этот маневр не прошел: один из рымов, за которые цеплялись гаки, был вырван. Тогда с судна прокричали, что им придется прыгать в воду и добираться до судна вплавь.

Потерпевшим кораблекрушение кинули несколько концов и веревочных трапов. Около десятка спасательных кругов уже плавало около шлюпки.

– Слушайте меня внимательно! – обратился Белов к своим спутникам. – Сейчас вы по двое прыгнете в воду и поплывете вон к тем лестницам и тросам. Хватайтесь за них и лезьте наверх. Гребите энергично, чтобы не ооченеть и не потерять сознание. Мы подведем лодку максимально близко, но так, чтобы не ударило о борт.

Когда шлюпка подошла на безопасное расстояние, Белов скомандовал:

– Вперед! Сначала мужчины, потом женщины и дети. Вы помогайте им в воде, – обратился он к барбадосцам, – я буду страховать с лодки. И хватайтесь за круги...

Люди один за другим плюхались в воду и тут же принимались гребсти в направлении спасательного судна. Тем, кто не умел плавать, помогали матросы. Вот уже первые пассажиры утонувшего «Вестриса» ухватились за концы тросов и полезли по трапам. И тут случилось непоправимое...

Белов пристально следил за переправкой людей на «Берлин». Он решил не плыть к спасателям, отсидеться в лодке: времени-то до возвращения оставалось всего ничего. В какой-то миг что-то необычное привлекло его внимание. Боковым зрением он увидел неясное движение неподалеку от места спасения. Он резко повернулся и похолодел: слегка волнующуюся гладь океана разрезал зловещий острый плавник. Акула!..

Белов набрал в легкие воздуха и заорал во всю мощь, предупреждая оставшихся в воде людей. Барабадосцы первые поняли, в чем дело, и принялись отчаянно жестикулировать, подгоняя пассажиров, чтобы те плыли быстрее. Теперь все решала скорость, с какой люди успеют добраться до спасительных тросов и лестниц!

Хрононавт, свесившись за борт, стал вглядываться в темную глубину. Ему показалось или на самом деле под лодкой промелькнули еще три стремительные тени? Вот черт морской! Да их тут целая стая!..

Что делать? Если это акулы-людоеды, то в любой миг может произойти нападение. Белов лихорадочно вспоминал все, что знал об акулах. Прежде всего он помнил, что эти морские хищницы особенно активны ранним утром и перед закатом – в это время у них начинается охота и кормежка. Сейчас был рассвет – самое время, чтоб закусить человечинкой. Впрочем, кажется, акулы не едят людей, они их просто кусают и... убивают. «Но нам-то от этого факта не легче, не правда ли?..» – едва не произнес вслух капитан ФСБ.

По-настоящему опасны для людей вроде бы только три вида – большая белая, тигровая и бычья акула. Здесь воды относительно холодные, а тигровая – самая опасная – водится лишь в тропических и субтропических морях. Короче, по-любому надо спасать людей. Евгению вспомнились вычитанные где-то слова Будды: «Не время рассуждать о свойствах стрелы, вонзившейся в ваше тело, время вытаскивать ее».

Мелькнула запоздалая мысль: переждать в лодке, в относительной безопасности, вскоре переход обратно, к себе, домой... Мысль как мелькнула, так и пропала. Зато более важное настойчиво, мощно стучало в мозг, призывая к действию, к тому, чему обучен он был в подобных ситуациях. Спасать людей.

Недолго думая, Белов – сам отличный пловец – выхватил свой до сих пор не подводивший нож, сорвал с себя спасательный жилет и кинулся в воду.

Холод обжег его. Офицер перевел дыхание и нырнул. В воде видимость была намного лучше, чем с поверхности. Белов быстро огляделся: три похожих на торпеды силуэта кружили неподалеку, пока не атакуя. Судя по форме и окраске, то были бычьи акулы, весьма, кстати, злобные твари. Метра два в длину – не меньше. А где же еще одна, та, что была ближе всех?..

И тут он ее увидел. Акула двигалась зигзагами, приближаясь и явно выходя на решающий бросок. Он всплыл, набрал побольше воздуха и нырнул. Выставил оружие перед собой и поплыл навстречу хищнику. Чем ближе подплывал, тем отчетливее видел по-своему изящный удлиненный силуэт.

Белов не мог поверить своим глазам: широкое тупое рыло, едва заметные коричневые полосы на серо-стальном туловище и хвосте. Никаких сомнений не оставалось: это была тигровая акула. Причем очень крупная особь – раза в два длиннее своих бычьих сородичей. Как она могла заплывать столь далеко – в холодные воды?..

В этот момент обманчиво ленивые движения хищницы внезапно закончились мощным броском. Акула атаковала.

Белов едва успел увернуться от чудовищной пасти с частоколом зазубренных с обеих сторон клыков-пил, отпрянул в сторону и тут же резко ударил ножом в морду. Он метил в глаз, но промахнулся, не учел стремительности нападающей твари. Крепкое лезвие скользнуло по прочной коже акулы и лишь оцарапало ее.

Четырехметровое страшилище резко вильнуло вбок и пошло на новый заход. И опять движения гигантской рыбы стали плавными, медленными. Акула все так же зигзагообразно приближалась к своей жертве. И в последний момент, когда хищница совершила финальный рывок, Евгений чудом успел отреагировать и избежать пасти, переламавающей даже кости животных и панцири черепах. На этот раз он поднырнул под акулу и вонзил оружие ей в брюхо.

Острый клинок лишь на несколько сантиметров сумел пробить толстенную кожу и дальше не пошел. Акула рванулась, едва не вырвав нож из рук человека. Твою мать! Да что за монстр такой неуязвимый – броня у нее там что ли?!

Белов впал в отчаяние. Легкие уже горели, перед глазами пошли разноцветные круги. Он был вынужден вынырнуть и глотнуть воздуха. Мельком осмотрелся: многие из пассажиров уже успели подплыть к судну и схватиться за канаты. Матросы подбадривали их, поторапливая. И тут раздался истошный вопль: один из спасенных – какой-то японец – забултыхался в воде, окрашивая ее в алый цвет. Вода забурлила, на мгновение показался треугольный плавник.

Но это точно была не его супротивница – значит, бычьи акулы все же решились и напали на пловцов. Белов успел увидеть, как один из барбадосцев подхватил несчастного под мышки и буквально потащил его к веревочной лестнице, с которой уже протягивал руки один из спасшихся пассажиров – высокий крепкий мужик. В следующее мгновение хрононавт нырнул и принялся выискивать взглядом врагов. Привлеченные пролившейся кровью, появились остальные хищницы.

Белов поплыл им наперерез. Одна из бычьих акул заметила его и пошла в лобовую атаку. Капитан на этот раз был полностью собран и готов. Когда хищница сделала бросок, он резко отпрянул и тут же всадил ей нож в глаз.

Пораженная сталью хищница с такой силой дернулась, вильнув хвостом, что отбросила противника в сторону, оглушив его. Пока Белов приходил в себя после столь мощного нокдауна, акула, потеряв ориентацию и кувыркаясь, пошла на глубину. Кровь так и хлестала из проколотого глаза.

Через пару мгновений к ней бросились голодные товарки и принялись рвать ее на части. На какое-то время им стало не до людей. Но оставалась еще тигровая акула, и она не

замедлила появиться. И вместо того, чтобы урвать свой кусок добычи, акула с необъяснимой яростью и упорством вновь атаковала своего прежнего врага.

Белов опять был вынужден всплыть и набрать воздуха, когда заметил громадную тень, стремительно приближающуюся к нему. «Все никак не успокоишься, сучара злобная!» – с ненавистью подумал он и нырнул. Дальнейшее произошло в течение минуты.

Евгений решил повторить свою хитрость, но акула оказалась проворней: когда он отпрянул, чтобы нанести свой удар, хищница мгновенно развернулась и акулья пасть сработала как капкан. Острая боль пронзила капитана-эфэсбешника. Левая рука онемела, вокруг нее расплывалось красное облачко. Белов глянул туда, увидел разорванную плоть, но кость вроде была цела.

Думать и страдать было некогда – тварюга без передышки кинулась на своего двуногого врага. Как он извернулся, Белов и сам не понял, но все же ему в очередной раз удалось избежать ужасных челюстей убийцы. Он поднырнул и из последних сил вонзил нож в незащищенное брюхо. На этот раз клинок вошел по самую рукоять. В следующую секунду несущая смерть огромная рыба метнулась вперед, вырвав нож из ослабевших рук человека. Теперь он остался без оружия, один, без помощи, да к тому же серьезно раненный...

О чем думал в тот момент офицер ФСБ Евгений Белов? Да, собственно, ни о чем. Одна мысль все же возникла и пронзила его электрическим разрядом: выбирайся! Ему нужно было как можно быстрее добраться до спасительной лодки – благо та оказалась ближе к месту схватки, чем подошедший корабль. Доплыть и спастись – теперь самому выжить, чтобы вернуться назад, домой. И еще пожить много-много лет...

И он поплыл, принялся грести здоровой рукой изо всех сил. А их с потерей крови оставалось все меньше и меньше. И он доплыл бы, его смертельный противник скрылся – залечивать свои раны. До темного пятна днища оставалось всего ничего. Вот сейчас еще рывок, еще один гребок, и вот он, спасительный бортик шлюпки, осталось дотянуться рукой, схватиться и подтянуться, перевалить уставшее, ослабевшее тело через край...

Спасен... Почти... И тут дикая боль пронзила все его существо, он успел увидеть, как еще одна тигровая акула, неведь откуда взявшаяся, отхватила ему ногу чуть выше колена и тут же выплюнула ее. «Акулы не питаются человечиной», – мелькнула мысль, и в следующее мгновение он потерял сознание из-за болевого шока. Часы на руке хрононавта показывали пятнадцать секунд до возвращения обратно.

Тело согнулось, словно переломленное, на бортике лодки. Ноги – целая и кровоточащий обрубок – безжизненно повисли в воде. Сюда быстрыми торпедами устремились хищные тени, но когда достигли своей жертвы, та внезапно исчезла. И даже облачко крови пропало из поля зрения кровожадных морских убийц.

5

Настроение начальника службы безопасности проекта, генерала ФСБ Федора Трапезникова, было безмятежным. Ибо за судьбу своего протеже, капитана Евгения Белова, он не волновался. Офицер госбезопасности, да к тому же в недавнем прошлом спецназовец – ну кто еще, скажите на милость, сумеет постоять за себя и выжить в самых трудных условиях?

Много лет тому назад Федор, тогда майор разведывательно-диверсионного подразделения ВДВ, сгонял с самого себя и со своих бойцов семь потов. Зато мог быть уверен, что его подчиненные не подведут ни при каких обстоятельствах. Если, конечно, будут живы. Но вот лишить их жизни как раз таки было нелегко. Даже потенциальному противнику, подготовленному столь же основательно, как и наши советские спецназеры.

Потом полковник Трапезников несколько лет подряд тренировал легендарных «вымпеловцев». А после перешел на штабную, кабинетную работу. Неожиданно даже для самого себя защитил сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертации. И вот – высокое назначение в самый, по словам Президента, «приоритетный для России научно-инновационный проект». По сути, теперь он второй, ну, или третий человек после гендиректора и зама по научно-исследовательской работе. А курировал – и весьма плотно – проект сам Папа.

Поначалу все выглядело, да в общем-то и шло, гладко. До тех пор, пока не встал вопрос о полевых, так сказать, испытаниях. «Ботаники», само собой, настаивали, чтоб это был человек из их высокочудрой среды. Дескать, ученый лучше подготовлен для оценки окружающей среды прошлого, как и для проведения различных анализов на месте.

«Может, оно и так, – думал генерал, – да только помимо анализов и взятия проб существует на свете еще и такая вещь, как умение выжить». То есть не просто попасть в потенциально недружественную среду, но и остаться с головой на плечах. А для этого нужно умение не только оценивать химический состав атмосферы и разнообразие местного биотопа, но и практически мгновенно сориентироваться в ситуации, принять верное решение и не медля действовать с оглядкой на изменяющиеся условия.

Тут никто не мог сравниться с сотрудниками генерала. Но он промолчал. Резонно полагая, что если все пройдет пучком, то и волноваться пока что не стоит. А вот если ученые облажаются, то тут и выступит на сцену прошедший огонь и воду бравый вояка.

Ученые провалили отправку. Их кандидат не сумел продержаться и невредимым вернуться домой. Точнее, держался парень долго – почти весь отведенный ему час. Ранения легкой и средней степени, конечно, получил, но это было не смертельно. Увы, на последней минуте попал на зуб доисторическому монстру. И окровавленным куском плоти прибыл обратно.

После этого все руководство проектом вызвали на ковер аж к самому кремлевскому куратору. Президент не кричал, не сопел зло и даже не наезжал. Просто поинтересовался, тихо и печально, почему так произошло, что в его любимом проекте не успели еще ничего толком предпринять, а уже появились человеческие жертвы?

Ему, так же тихо и со скорбью в словах и на лицах, пояснили отчего да почему...

– И что вы предлагаете в сложившейся ситуации? – поинтересовался гарант конституции.

Шеф и двое его замов смолкли, заметно приуныв. А Трапезников откашлялся и взял слово. Так, мол, и так – лучше его парней никого и нету. Ну если только спецназ ГРУ. Но их подключать не имеет смысла. И свои хороши.

Президент покивал, пожевал губу и дал добро. Напоследок сказал сакраментальное:

– Людьми не разбрасываться. Помните об этом!..

И добавил, что потом, когда начнется наплыв клиентов, их дело – подробный инструктаж и забота о соответствующей экипировке хронотуристов. А уж за жизнь и здоровье последних никто из администрации и персонала наукограда ответственности нести не будет. Так все в контрактах и будет прописано. Но своих людей обязаны беречь. И основная забота об этом ложится на широкие плечи генерала Трапезникова...

...Сейчас генерал стоял в компании ответственных за эксперимент лиц и с высоты идущей вдоль стен галереи наблюдал за прозрачным куполом хроноприемника. Именно там должен был появиться через несколько минут второй хрононавт – из числа генеральских сотрудников.

Ученые заметно нервничали. А он, генерал, нет. Еще один человек оставался совершенно спокойным – финансовый директор проекта Майков. Трапезников покосился на него. Сергей Ефимович стеклянными глазами уставился куда-то вниз, губы его слегка шевелились. Федор Кузьмич усмехнулся – не иначе как барыши будущие подсчитывает казначей. Вот только это его и волнует, а что до людских жизней, так это просто ресурс такой, вполне, кстати, возобновляемый – в лице других индивидов. Генерал был уверен, что порча имущества волновала финансиста больше, чем возможные потери среди персонала. Но, как оказалось, старый служака ошибался.

Последние пять минут истекли, внизу, под куполом, замерцало сияние – начался переход. Все подались вперед, впились напряженными взглядами в круг приемного портала. Надежда на успех теплилась в сердцах руководителей проекта и их подчиненных. Но надеждам этим не дано было осуществиться.

Как только мерцание угасло и на темном пятачке появилось неподвижное тело хрононавта – одна нога была напрочь отсечена и валялась рядом, – стон прокатился в рядах ответственных лиц. Генерал скрежетнул зубами, взгляд его заледенел. Твою-то мать!.. Опять облажались! И Женьку – этого красавца и умницу – жалко до спазмов в печенках...

Впрочем, жив остался генералов любимец. Все ж таки потеря крови оказалась не смертельной. К нему тут же кинулись медики, быстро залепили обрубок спецклеем, останавливая кровотечение. Сделали несколько уколов. Бережно уложили на каталку и помчались в операционную.

Потом смотрели запись, которую исправно сделал микрокамера. И все стало ясно. Трапезников позволили себе вспылить: «Запулили парня хрен знает на какие чертовы рога! Счетоводы долбанные!»

Возразить ему было нечего – и впрямь технологии пока что экспериментальные, просчитаться как два пальца об асфальт... Но опыт уже накопили, хоть и ценой одной жизни и одного здоровья.

– Так скольких еще надо угробить, чтоб отладить систему? – сумрачно поинтересовался Главный (поговаривали, что у гендиректора младший брат учился вместе с Президентом, еще когда гарант и в мыслях не имел стать таковым).

Никто не знал, скольких. Но тут заговорил финдиректор, и Трапезников понял, что ошибался насчет человеческих качеств Сергея Ефимовича.

Майков вначале заявил, что разбрасываться кадрами – тем более столь ценными, какие подобрались в этом проекте, – негоже. И вообще преступно! А посему нужно пошевелить извилинами и понять наконец, что успешными миссии станут тогда и только тогда, если в качестве посланца выбрать человека, годного к этому делу на все сто. И вовсе не супермены Трапезникова – Сергей бросил нейтральный взгляд в сторону напыжившегося генерала – таковыми являются. Нет, у него, Майкова, есть предложение получше. Есть один человек...

– Так кто же это? – уставился на своего зама Главный. – Говорите, Сергей Ефимович, не томите уже...

Тот и не томил. Назвал имя и фамилию, которую даже уборщица тетя Клава слышала. Популярным был тот человек. Вызывал симпатии и у сильных мира сего, и у простого люда. Потому как был своего рода героем.

А речь пошла, ни много ни мало, о всемирно известном путешественнике, ученом-этнографе и любителе экстрима Руслане Мамбетове. Покорителе вершин, морей и пустынь. Слава которого затмила реноме самого Федора Конюхова.

Так и так – еще минут пять Майков расписывал перед коллегами достоинства этого человека, пока даже самый скептически настроенный, а именно второй зам директора, не понял, какой счастливый шанс в лице Мамбетова им выпадает. Потом Сергей Ефимович смолк и выжидающе посмотрел на шефа.

Главный повертел в руке дорожный «паркер», после чего откинулся в кресле и сделал приглашающий жест:

– Ну так и за чем же дело стало, дорогой Сергей Ефимович? Давайте сюда этого вашего супермена.

Тот скривился, словно на мозоль любимую наступили, и сообщил:

– Увы, в неволе господин Мамбетов.

– В какой еще неволе? – удивился босс.

– В сомалийском плену, – обреченно выдохнул Майков.

Один из замов, имевший привычку быть в курсе многих событий и потому регулярно просматривающий новости в онлайн-режиме, поспешил пояснить:

– Буквально на днях захватили его сомалийские пираты, держат в плену, выкуп требуют немалый...

Генерал, начавший было смутно вспоминать мельком слышанную где-то информацию, тут же и просиял. Ну конечно, все мировые агентства сообщали следующее: знаменитый исследователь подвергся нападению во время очередной своей кругосветки. Пираты брали на бордаж индийский сухогруз, а тут, на свою беду, рядом оказался Мамбетов – проплывал на лодке. Ну и его до кучи полонили злобные африканцы. А когда поняли, кто перед ними, – стали требовать миллион долларов за голову знаменитости.

То, что Мамбетов в плену, сомнения не вызывало: пираты отсняли видеоролик с хмурым путешественником, который с явно написанной на небритом лице досадой обратился к мировой общественности на чистом английском языке и попросил помощи.

– Так что же делать?.. – Директор был явно огорошен, взгляд его устремился в сторону Трапезникова. – Что скажете, мон женераль?..

И тогда «мон женераль» вновь перехватил инициативу в руки. Барским тоном он протянул:

– Ну-у-у... это-то как раз не проблема. Разве нет, Сергей Ефимыч?.. – генерал нарочно поддел скупого заведующего финансами.

И тот попался на крючок:

– Так ведь, Федор Кузьмич, у нас и так перерасход средств, где ж миллион-то сыскать?..

Генерал еще пару секунд наслаждался триумфом, потом снизошел:

– Да будет вам, речь ведь не о деньгах идет. Еще чего – макакам чернож... пардон, пиратствующим подонкам платить! Пошлем группу спецназа – все там зачистят. И Мамбетова вашего вызволят. Заодно индийцам сухогруз вернут.

Все разом воззрились на него. Немой вопрос был понятен: кто отдаст приказ? Ну, кто отдать должен и так понятно, но кто к нему пойдет объяснять?

И тут эфэсбешник хитро усмехнулся в усы:

– Я знаю, что тут можно сделать. Я сейчас же иду к гаранту, он же говорил, что по срочным сколковским вопросам принимает без очереди. Так что все будет в полном ажуре...

Только сказал, и сразу всем присутствующим на совещании даже дышать стало как-то легче. Вот она – сила убеждения. А еще уверенности, исходящей от человека с большими звездами на погонах.

А сам обладатель погон в душе торжествовал: вот вытащит он этого спеца по выживанию – и опять все лавры ему, генералу, достанутся.

6

Это была третья по счету кругосветка Мамбетова. Первую он совершил по северно-полярному маршруту – где-то на лыжах, где на собачьих упряжках, а где и по студеным водам Арктики. Во второе кругосветное путешествие – экваториальное – отправился на яхте, с сухопутно-речным переходом по всем континентам. А вот нынешнее решил сделать исключительно морским, а точнее, океаническим, и притом в Южном полушарии. Причем на сей раз вышел в автономное плавание на моторной лодке.

Суденышко хоть и небольшое, зато весьма примечательное. Соорудили его по особому проекту Руслана. Долго он не раздумывал – взял за основу современные спасательные шлюпки. Но его лодка была несколько больших размеров, чем спасательная. Сделали ее из несгораемого алюминиевого сплава, оборудовали дизельным движком с механическим приводом. А вот наверху вместо сплошного покрытия с люками Руслан самолично смастерил съемное сегментное покрытие. При необходимости, случись что с мотором, можно было убрать сегмент-другой и грести вручную – правда, одним веслом, как в каноэ, поочередно, все же у лодки борта оказались высоковаты.

Помимо навигационных приборов на моторке имелись приличные запасы воды и продуктов, несколько алюминиевых канистр с соляжкой, аптечка со всеми необходимыми медикаментами, мощная рация и ракетница с запасом сигнальных ракет. Ну и, само собой, рыболовные снасти.

К слову, топливом путешественник разживался на проходящих мимо судах. А так старался идти на веслах, особенно при попутном течении. Свой НЗ надо было беречь – мало ли что... Жаль, паруса не были предусмотрены на этом плавсредстве. А в остальном полный цимес – романтика, сэр!

Вышел Мамбетов из Владивостока. Пересек Восточно-Китайское море, затем обогнул Индокитайский полуостров, зашел на Шри-Ланку – правда, с некоторым опасением: стреляют там часто. Далее маршрут пролегал мимо Мальдивов на Сейшельские острова, а после них – к Мадагаскару и через мыс Доброй Надежды в Атлантику. Прославленный кругосветник намеревался, обогнув Африку, пересечь Атлантический океан на ревущих сороковых широтах, затем двинуться не к опасному мысу Горну, а на север и попасть в Тихий океан через Панамский канал.

Но его планам сбыться было не суждено.

После Мальдивских островов, где Мамбетов пополнил запасы горючего, путешественник взял курс на Сейшелы. Погода стояла отличная, штормов в это время года тут серьезных не бывает, да и регион оживленный – именно здесь проходят маршруты многих пассажирских и грузовых судов. Поэтому ничто не предвещало тревоги. И уж тем более ничто не омрачало хорошего настроения мореплавателя. Пока прямо по курсу не появился тот несчастный сухогруз.

Любые суда в море расходятся довольно просто – существуют незыблемые правила. Хотя до сих пор случаются глупые недоразумения, оканчивающиеся столкновениями и даже гибелью людей. Но не в ясный же день, при небольшой волне, да на оживленной трассе.

Мамбетов поймал нужную волну и связался по рации с шедшим ему навстречу грузовым теплоходом. Сухогруз оказался индийским, шел с пустыми трюмами, как оказалось, перегоняли его в порт приписки – Калькутту. Радист попался разговорчивым, к тому он же сносно владел английским, вот и поболтали немного.

В общем, Мамбетов положил руль на правый борт, как и следовало в подобных ситуациях. Встречное судно тоже слегка отклонилось в противоположную от лодки сторону.

После чего находящийся в миниатюрной рулевой рубке Руслан просто держал штурвал и наблюдал за окружающей обстановкой. Других судов поблизости не было видно.

Когда моторка поравнялась с шедшим по ее левому борту кораблем, Руслан заметил какую-то суматоху на грузовозе. Потом до его слуха донеслись четко различимые выстрелы – одиночные и очередью. Что за черт?!

Что-то нехорошее там творится. Неужто опять пираты сомалийские шалят? Тогда следовало бы как можно скорее уносить отсюда ноги. Да, именно так он бы и сделал, если б... Если бы Руслан Мамбетов не был воспитан на отживших свое, но ввевшихся в кровь советских и христианских принципах взаимопомощи, поддержки в трудную минуту других людей. Особенно в море, где преступлением считается не прийти на помощь терпящим бедствие морякам. Ну не мог он так поступить. Хоть и глупо, наверное, было совать голову в пасть тигру...

Руслан застопорил машину и развернул лодку носом к находящемуся в нескольких десятках метров сухогрузу. Откинул перекрытия и принялся подгрести к теплоходу, который теперь медленно дрейфовал на юго-восток.

Он уже подошел совсем близко к высокому борту корабля, когда сверху высунулась чья-то темнокожая физиономия, а вслед за ней ствол автомата, нацеленного на оказавшегося не в то время и не в том месте путешественника. На ломаном английском обладатель ствола приказал Мамбетову подгрести вплотную и принять конец.

Мгновенно взвесив все за и против, Руслан вынужден был подчиниться – ситуация складывалась явно не в его пользу. Он подвел лодку к борту, поймал сброшенные тросы, закрепил за кормовой и носовой рымы. Затем заурчала электрическая лебедка и шлюпку начали поднимать вверх.

Когда лодка зависла на таях, слегка покачиваясь над палубой, ее пассажиру и рулевому в одном лице приказали вылезать, да без глупостей: мол, дернешься – сразу завалим. Под прицелом нескольких стволов Мамбетов перелез через борт и прыгнул на верхнюю палубу. Тут же оценил обстановку.

Пятеро афропиратов, вооруженных автоматическим оружием, без особой злобы, но и не радуясь, смотрели на него. Оружие взято на изготовку. И что теперь прикажете делать?..

Драться он умел – обучался и самостоятельно, и под руководством мастеров. У него были хорошие учителя. Русский учил его самому жесткому стилю карате – киокушинкай. Татарин посвятил в секреты другой школы карате – шотокан. А обрусевший китаец преподавал ему немало уроков по мастерству рукопашного боя в рамках смешанного стиля у-шу.

Так что обидеть его было трудно. Но только совсем отмороженный безумец начнет рыпаться, когда на тебя наставлено с полдесятка стволов. Одну пулю можно попытаться обмануть, но целый рой, летящий в тебя со скоростью семьсот метров в секунду...

В общем, благоразумие взяло верх и Мамбетов счел за лучшее подчиниться и не возникать пока. А там видно будет – война план покажет.

Увы, никакого особого плана война не показала. Пираты, – а Мамбетов сразу смекнул, что захватили его и несчастный сухогруз распиаренные во всех мировых СМИ сомалийские пираты, – были немногословны. Они отвели пленника вниз – на среднюю палубу, оставив под охраной двух вооруженных до зубов бандитов. Сами в это время, видать, шмонали его суденышко. И обнаружили там помимо прочего документы, удостоверяющие его личность, да еще стопку его книжек, которые он вез с собой для презента нужным и просто хорошим людям. Одна из них была на английском, и там красовался его портрет с информацией об авторе.

Короче, пираты все же не лохи последние были – прикинули хрен к носу и обрадовались. Еще бы – вон какая знаменитость к ним в лапы попала! Деньги сами в руки приплыли!..

Увы, Руслан их энтузиазма не разделял. Были на то свои причины.

Все переговоры с Мамбетовым вел подручный атамана. Этот рослый сомалиец и выглядел как типичный корсар: один глаз отсутствовал, вместо него красовалась черная повязка. Ну прям сейчас его в Голливуд. Или хотя бы – в Болливуд, зрителей-соотечественников которого они взяли в плен.

Поначалу Руслана заперли отдельно от остальных в небольшой каюте. Но вскоре перевели в темную подсобку. Он обнаружил в углу старый матрас и неплохо устроился на нем. Правда, и там он надолго не задержался. Сутки спустя, дав немного еды и воды, его привели в кают-компанию, где уже все было приготовлено для видеосъемки.

Тот самый одноглазый подручный главара на своем ужасном английском велел плененному путешественнику сесть на табурет напротив объектива новехонькой цифровой камеры. Потом принес склянку с какой-то красной жидкостью. Как оказалось, то была кровь – человеческая или животного, сие Мамбетову было неизвестно. Но вкус и запах крови ему был знаком.

Вообще-то, надо было благодарить Бога за не свойственную этим головорезам гуманность. Бить его не стали. И резать тоже. А сделать это могли и должны были – для достижения желаемого эффекта. Согласитесь, люди быстрее раскошелятся, увидев на экране измученное, окровавленное лицо своего соотечественника, друга, родственника, коллеги...

Его пощадили, только плеснули щедро на лицо чьей-то юшкой. Все равно было неприятно. Но Руслан даже не поморщился – ему доводилось попадать и в менее приятные ситуации и положения. Так что потерпеть придется, чай, не кисейная барышня...

– Твой говорить, мой – записывать, – распорядился сомалиец, – хорошо просить, жалеть твой... Понимать, да?..

Руслан кивнул – чего тут не понять?..

Он и постарался – говорил убедительно, с мольбой в голосе и с тоской в глазах. Здесь не время и не место было выпендриваться и крутого из себя изображать. Главный посыл: выжить любой ценой самому и по возможности вызволить из беды других заложников. Как это осуществить, Мамбетов пока не знал. Но ведь он был специалистом по выживанию. Или только считался таковым?

После того как запись была сделана, его заковали в наручники и, подгоняя прикладами, повели куда-то в трюм. Там отперли решетчатую дверь и втокнули в темное и, слава Аллаху, сухое помещение. Похоже, то был один из отсеков грузового трюма, в данный момент пустовавшего. Руслан позволил себе немного позлорадствовать, само собой мысленно. Обмисурились морские разбойнички! Захватили-то сухогруз с пустыми трюмами. Как он знал, команда перегоняла судно порожняком.

С другой стороны, отсутствие добычи усугубляло положение заложников. Пираты теперь были злые, недовольные и рассуждали так: раз нет добычи, так нужно денег побольше срубить с захваченных бедолаг. Пока все не вытрясут за них, не выпустят. Да и не факт, что живыми отпустят. Так что же следует делать при таком раскладе? Как выкрутиться?..

Руслан, конечно, ни воякой-профи, ни обычным бойцом-призывником не был. Он даже в армии не служил. Только на курсах офицерских побывал однажды. Так уж получилось. Да он и не рвался особо.

Тем не менее за долгие годы своих путешествий и экспедиций он научился выживать в самых разных условиях. Оружием – огнестрельным и холодным – тоже умел пользоваться. Но до сих пор обращал его лишь на братьев наших меньших. Когда охотился или при обороне. А вот в людей ему не доводилось стрелять, да и резать, к счастью, тоже!..

Эту дилемму нужно было решать здесь и сейчас – без промедления. Тварь он дрожащая или право имеет? Раскольникову было нелегко, но то Раскольников. В данной ситуации достоевщиной и не пахло. Все просто, как пень лесной. Или ты их, или они тебя. На выкуп

от сердобольных соотечественников, а уж тем более иностранных поклонников Руслан не надеялся. Время сейчас такое – ты никому со своими проблемами не нужен. Нечего было заплывать куда не просили!

Он четко себе представлял дальнейшие действия бандитов. Выкупа они не дождутся. Тогда начнут отрезать от него по кусочку плоти в день и посылать на Си-эн-эн или Би-би-си... Даже если не в день, а раз в неделю ампутировать будут, все равно худо. Ведь это его тело! И он не скотина какая, чтоб его вели на убой и резали!..

Не прошло и суток, а все сомнения попавший в переплет путешественник разрешил. Мораль нужна при соблазнении невинной барышни, да и то как сказать. А здесь каждый сам за себя. Пираты – это те же хищные звери, и от них нужно обороняться. Попросту говоря, убей хищника или погибни как последний лох. А так как лохом он себя не считал, да и не был им, то Мамбетов решил переступить незримую черту в своей жизни.

7

На исходе вторых суток заточения сорокалетний ученый-этнограф начал действовать. Два раза в день ему приносили воду, а еду – только по утрам. Все остальное время он был фактически предоставлен самому себе. Гальюна в трюме не наблюдалось, а потому он устроил отхожее место в пустой металлической таре в дальнем углу. Вонь, конечно, постепенно заполонила все помещение. Приносившие еду пираты морщились и сквозь зубы матерились на своем, сомалийском.

Наконец ему разрешили вынести бачок на верхнюю палубу и опорожнить его за борт. В помещения спардека, где были оборудованы гальюны, его не пустили. Пока шли, Руслан, стараясь делать это незаметно, так и зыркал по сторонам, все подмечая и запоминая.

Путь вверх был известен, теперь нужно было придумать, как избавиться от оков и, нейтрализовав охрану, выбраться из заточения. Вопрос, конечно, интересный. Спрашивается: как, не будучи Гарри Гудини, открыть наручники? Подходящей булавки или гвоздя у него при себе не было, а если б и были, то все равно отобрали бы – обыскали его основательно, ничего не оставили в карманах, даже носовой платок изъяли. Еще что? Ну, если б иметь силу Железного Самсона – Александра Засса, можно было бы попросту разорвать цепочку, связующую браслеты.

Увы, он не Засс и не Гудини, он Руслан Мамбетов по прозвищу Мамба. Так его прозвали еще в юности. Кликуха была лестной – мамбой называли одну из самых опасных и ядовитых змей на земле. Вот и ответ на вопрос: ничего не нужно придумывать, просто нужно совершить бросок и вонзить клыки. А если отбросить метафоричный стиль в сторону – дожидаться охранника и, когда тот будет ставить миску с едой на пол, напасть и вырубить. Затем освободить остальных заложников, с трофейным оружием выбраться на верхнюю палубу, используя фактор неожиданности, перебить охрану. Потом... Ну, потом нужно было обязательно захватить радиорубку, чтоб послать сигнал SOS, в перспективе желательно вообще вышибить пиратов со всего командного мостика. Но это уж как получится...

План был простой и по-своему эффективный. Вот только одно «но» – бандит чаще всего приходил не один, а с напарником. Второй афропират внутрь не заходил, маячил за дверью. Оба, само собой, были вооружены – один широко распространенным китайским калашом, а второй держал в руках американскую штормовую винтовку М-4, скорее всего трофейную. Так что не побалуешь у них!..

На исходе третьих суток (чувство времени у именитого путешественника было развито превосходно – и часы не нужны), Руслан решил, что утром он предпримет попытку освобождения. А сейчас можно было немного поспать. И он улегся на свой истертый матрас, зная, что никакие треволнения не способны нарушить его здоровый сон.

За два часа до утренней кормежки Мамбетов пробудился, полежал пару минут, прислушиваясь к своим ощущениям, а также к звукам вокруг. Кроме тишины, нарушаемой приглушенным шумом бьющейся о борт волны, ничего не доносилось до превратившегося в слух заложника. Потом он бесшумно соскочил с лежака, приблизился к дверной решетке. Постоял минут пять. После чего стал претворять свой план в действие.

Из матраса, бачка и верхней одежды он соорудил подобие чучела. Поместил его в углу так, чтобы издали можно было принять за лежащего человека. Сам сел на корточки, затаившись за выступом возле входа в отсек. И принялся ждать...

Мамбетов и предположить не мог, что неподалеку от места, где стояло на якоре захваченное судно, в это же самое время происходило нечто интересное. Небольшой военный корабль лег в дрейф за километр от сухогруза. На воду быстро спустили несколько быстрых резиновых моторок, которые тут же устремились в сторону цели. Метров за сто

приглушенно работающие моторы были остановлены и в воду попрыгали многочисленные фигуры в темных гидрокостюмах с диковинными компактными автоматами за спиной.

На сухогрузе охрану несли пять человек: один расположился на баке, другой маячил на смотровой площадке мостика, третий отчаянно зевал у леерного ограждения на юте, еще двое патрулировали палубу, вышагивая вдоль бортов, по обеим сторонам широченных трюмных люков. Никто из ночной смены так и не заметил вынырнувших из воды темных фигур. Не обнаружили их и тогда, когда те принялись карабкаться с помощью специальных присосок наверх.

Нейтрализация охраны прошла молниеносно. Никто из пиратов и пикнуть не успел. Троиخ пристрелили из бесшумных автоматов, двоим перерезали горло. Спецназ приступил ко второй фазе операции – зачистке судна от флибустьеров и освобождению заложников...

...Мамбетов сменил положение – мягко поднялся с корточек, давая затекшим ногам отдых. Он по-прежнему был спокоен, просто знал, что сейчас все будет зависеть от его сноровки и хладнокровия. Решил так: как только первый охранник войдет в отсек, он его вырубит и толкнет на второго. Ну, а там по обстоятельствам. Главное – не дать им выстрелить.

И вот наверху лязгнула дверь, а затем послышались быстрые шаги. Человек был один! Мамбетов чуть было не закричал «Йес!». Блин, везуха-то какая! Шансы на удачу резко повышались. Уж с одним он точно справится.

Топот ног приближался. Видимо, люк, ведущий на верхнюю палубу, остался открытым, потому что откуда-то сверху вдруг раздалась автоматная очередь, за ней еще одна...

Мамбетов – собранный и напряженный – удивился: неужто остальные заложники тоже затеяли побег? Мелькнула мыслишка и упорхнула – потом разберемся. Сейчас не это главное. А в следующее мгновение он уже затаил дыхание, приготовившись к броску.

Человек быстро отпер клетку, забежал внутрь, заметил в дальнем углу свернувшуюся калачиком фигуру и с ходу всадил в нее очередь. Потом шагнул, чтобы проверить... Тут Руслан на него и прыгнул. Накинул ему цепочку на шею и, дернув на себя, принялся душить. Противник выпустил оружие из рук, забарахтался в попытке освободиться от смертельного захвата. Но Мамбетов лишь сильнее сводил кисти рук, одновременно приподнимая противника вверх.

Хрустнули позвонки, пират обмяк. Руслан уже хотел его выпустить, но тут уловил шорох за спиной и резко повернулся, выставив перед собой безвольное тело. И вовремя: незаметно проникший в трюм второй сомалиец, недолго думая, открыл по нему огонь. Короткая очередь откинула пленника вместе с телом врага назад. Это Мамба правильно придумал – прикрыться мертвяком, пули его не задела, но приложился затылком о переборку он крепко.

Пират прыгнул к лежащим в надежде прикончить не нужного теперь заложника, но тут раздалась приглушенная дробь, словно трещотка застучала. Бандит споткнулся и рухнул навзничь, чтобы уже больше не встать.

Руслан из-под мертвого сомалийца пытался разглядеть происходящее. А оно, это происходящее, пока никак не укладывалось у него в голове. Пришла запоздалая мысль, что это кто-то из освободившихся заложников – из индийской команды. Но все сомнения тотчас разрешились, когда он услышал родную речь.

У двери в отсек мелькнула серая тень, тут же исчезла из поля зрения, уверенный мужской голос произнес:

– Живые есть?

Естественно, Руслан не стал кочевряжиться и отозвался:

– Есть! А кто спрашивает?

Невидимый спаситель замялся лишь на мгновение, затем сказал:

– Российский спецназ. Выходите наружу. Резких движений не делать...

Мамбетов счел за лучшее повиноваться. Когда он вышел из темницы, вспыхнул яркий свет, ослепивший его. Избавитель светил ему мощным фонарем прямо в лицо. Освобожденный проморгался, слегка отвернулся, всматриваясь. Заметил фотокарточку в руках бойца.

– Фамилия, имя, отчество? – спросил тот.

– Мамбетов Руслан Аликович, – поспешил ответить путешественник.

– Идемте за мной. Мы за вами прибыли.

Второго приглашения не потребовалось...

Когда вышли на палубу, оказалось, что операция по спасению заложников уже закончена, судно зачищено, все пираты мертвы. Потерь со стороны спецназа почти не было – во всяком случае, двухсотых и тяжелых трехсотых не наблюдалось, бойцы отделались мелкими ранениями.

Заложники тоже остались все целы. Пираты так и не успели пристрелить их, хотя бы из вредности. Командир подразделения связался с военным транспортом, доложил об успешном завершении задания.

Получил сообщение, что к ним направляется вертолет. Потом обратился непосредственно к Руслану:

– Приказано срочно доставить вас на родину.

– Спасибо! – выразил свою признательность кругосветник и не удержался от вопроса: – Кому обязан спасением?..

Командир задумчиво посмотрел на спасенного, усмехнулся:

– Вопрос неправильный...

Спецназовец достал кипу документов в непромокаемом футляре, протянул Мамбетову. Посветил фонариком, чтоб лучше видно было. Сказал:

– У вас на изучение и подписание контракта пять минут. Отсчет пошел.

Брови у Руслана удивленно взметнулись:

– Даже так?! А если не подпишу?..

Командир группы лишь пожал плечами:

– Не подпишете – останетесь здесь.

– Круто! – только и присвистнул путешественник, а потом засуетился, стал лихорадочно листать бумаги, просматривая основные пункты. По ним выходило, что его вербуют в строго засекреченный научный проект, связанный с нанотехнологиями. Вербуют на пять лет для совершения путешествий высшей категории сложности – с обязательным проживанием на охраняемой территории. Еще там были не только обязательства, но и гарантии, в том числе и финансовые – причем весьма соблазнительные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.